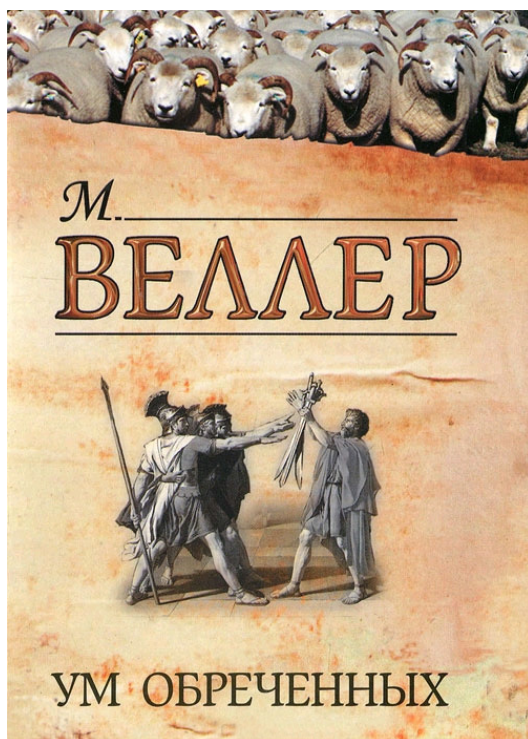

Михаил Веллер

Ум обреченных

«АСТ»

2012

Веллер М. И.

Ум обреченных / М. И. Веллер — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-41351-3

Легким, точным словом, полным юмора и иронии Веллер вскрывает острейшие вопросы современности, размышляет о пагубности либеральной идеологии, ведущей в недалеком будущем к гибели страны...

ISBN 978-5-271-41351-3

© Веллер М. И., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

I		5
	Грех	5
	Умопомрачение	8
	Оптимизм и пессимизм	10
II		13
	Государство как система	13
	1. Два муравья	13
	2. Цвай камараден	13
	3. Бригада	13
	4. Тургруппа	14
	5. Ролевое распределение	14
	6. Крысы в вольере	15
	7. Зеки в камере	16
	8. Семья	17
	9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя	18
	10. Фирма	19
	11. Ветвь и дерево	20
	12. Армия	20
	13. Государство – всегда	22
	14. Цель государства	22
	15. Локк, Гоббс и Спенсер	23
	16. Предварительные обобщения	23
	17. Предопределенность	24
	18. Происхождение государства и семья	24
	19. Из чего состоит	26
	20. Начало	26
	21. Развитие	28
	22. Экспансия	29
	23. Деструктивные государства	31
	24. Молодость	33
	25. Укрепление	33
	26. На пике	34
	27. Цветение и гниение	35
	28. Конец	36
	29. Заключение	37
	Иллюзия экономической доминанты	38
	Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Веллер

Ум обреченных

I

Грех

Человек грешен и человек несовершенен, и пусть много о себе не мнит и греховность свою изживает, осознает, кается, замаливает, в гордыню-то не впадает и к совершенству пусть посылно стремится. Аминь.

Из этого христианского тезиса следует масса интереснейших «нетрадиционных» следствий.

Первым делом из этого следует комплекс неполноценности и комплекс вины. А человеком с такими комплексами легче управлять, чем без них. Объясни ему, что есть Некто, перед кем он заведомо виноват – и он в конце концов спросит, что же ему делать, чтобы загладить свою вину. Внуши, что он не такой, как надо – и он захочет стать таким, как надо.

Комплекс как побуждение к действию: преодолеть его и избыть. Глубинная психологическая мотивация.

Можно избыть комплекс ритуалом: молитва, аскеза, воздержание, схима, обряд. Обряд – это «внутрирелигиозное действие»: я делаю это и это вот так и вот так исключительно для тебя, Высшее Нечто, чтобы с тобой договориться, обратить Твое внимание на себя, показать Твою власть над собой, понравиться Тебе – отнесись же ко мне хорошо и сделай так, чтоб я жил получше.

Комплекс вины порождает стремление к наказанию за эту вину: для уравнивания психики. Стремление к страданию. Самоограничения, воздержание, пост, молчание, вериги, власяница, нищета, бродяжничество, самобичевание. Я сам себя наказываю за то, что я плохой. Страдаю – значит, искупаю вину. Какую? А если не просматривается? Подумай, подумай внимательно, всегда найдешь. Пастырь поможет.

Это все следствия интенсивные – кроме чувств, мыслей и тела самого «комплексанта» они никого не затрагивают. Но есть и экстенсивные.

Пожертвовать деньги на бедных. Строить по воскресеньям храм бесплатно. Сжечь еретиков. И все во славу Его и именем Его: Он тебя создал, ты Ему всем обязан – а перед Ним же виноват. Чем? Найдется. В конце концов, первородным грехом.

А можно захватить Иерусалим, перебить сарацин, снести мечети, построить церкви, изменить лицо части мира – и это будет хорошо. Изменяем мир в соответствии с нашими представлениями о Добре. Перережь их всех – и тебе спишутся грехи, ты будешь лучше и полноценнее.

Сделай человека виноватым и дай возможность искупить вину – и он перевернет горы. Христианство гениально. Грех как двигатель прогресса.

Но пока, казалось бы, ничего принципиально нового христианство не изобрело. В том смысле, что всегда были боги, и всегда одни поступки были им угодны, а другие – нет. Могли помогать и награждать, могли мешать и наказывать. Если христианский Бог автократичен – греческий Олимп как бы демократичен: товарищи там, наверху, посовещались и решили, а вообще у них распределение функций и ответственности, мздоимство, интриги, подкомиссии и комитеты, лоббирование своих кандидатур. Какую религию ни возьми – с Верхним Миром

надо ладить, подчиняться, угождать, угадывать Его желания и действовать в соответствии с ними: и тогда тебе будет хорошо, иначе – плохо. Покарает.

Любая религия объединяет народ единством представлений, суммирует его усилия и корректирует или просто направляет его действия. Одна из форм и аспектов системообразования общества.

Регулятивная функция греха. Ты должен поступать так-то и так-то, а иначе не должен, не то Сверху тебе вломят. Религиозная мораль.

Любая религия задействует понятие греха: Вина и Страх.

Многие религии рассматривают земную жизнь не только как низшую, что естественно, но и как горестную, грязную, суетную и в сущности не больно-то и нужную. И относятся к ней как к земному служению богам и прелюдии к жизни высшей.

Но только христианство утвердило изначальную, обязательную, исконно присущую человеку и неизбежную греховность – а жизнь расценивает как тем не менее пожизненное избывание этой неизбежной греховности. Был первородный грех? – молчи и тресни.

Н-ну – и что это значит? Что человек не идеален? Так это и так понятно. Понятно-то оно понятно, да не совсем.

Христианское утверждение имманентной греховности человека – это иными словами признание и утверждение того, что каков бы ни был человек – он все равно должен стремиться не к тому, что уже есть и он сам, и тем самым вообще все вокруг.

Имманентная греховность – это иными словами утверждение идеала всегда и в любых условиях.

Имманентное несовершенство человека – означает, что человеку всегда надо не то, что есть.

А еще иначе выражаясь: запас и избыток энергии в человеке долженствует ему всегда изменять себя и мир – изменять в принципе, таково его пожизненное занятие и предназначение.

Имманентный грех понуждает: переделывай! Себя и мир через себя.

Несовершенство как незавершенность, недоделанность – указатель на возможность и необходимость доделывания всегда.

И что будет конечным результатом вообще? Второе пришествие, Страшный Суд, воцарение Царства Его на земле. То есть: достижение идеала. Абсолюта, завершенность, совершенство, конец, смерть. Вот тогда будет искуплен изначальный грех, и все будет хорошо, делать больше ничего не надо будет, кроме как радоваться.

Это метафорическим языком религии. А прямым, как у пьяного римлянина, языком естествознания: тогда кончится Время, и человечество исполнит все, что могло, и совершит Максимальное Действие, и грохнет Вселенную, и в Большом Взрыве родится Новая Вселенная.

А монастыри, молитвы, обряды и храмы – это самозатратная часть религиозной составляющей всего человеческого механизма: с точки зрения энергоэволюции Вселенной она сбрасывается с КПД, не входит в КПД. Аналогично тому, как все энергетические затраты на производство автомобиля и перемещение его из точки А в точку Б – накладные расходы при перемещении собственно человека посредством сего мобиля на то же расстояние.

И не в том суть имманентной греховности, что ты прах и дерьмо перед Ним, что бы ни делал, – а в том, что *ты должен пахать и переделывать себя и мир, никогда не удовлетворяясь достигнутым.*

Утверждение имманентности греха означает имманентность идеала. Т. е. энергетическую неравновесность человека в мире, энергетическую избыточность, и этот избыток энергии являет себя в любых условиях и формах и всегда ищет приложения.

Недаром «условный святой» в христианстве близок к буддисту, входящему в нирвану: удален от мира, лишен желаний, как бы не имеет пола и возраста, ничего не делает и аж светится. Ушел.

Вот и мир когда-нибудь засветится небывалым светом. А до тех пор пахать придется.

Умопомрачение

Каждый человек совершает иногда идиотские поступки, но есть варианты.

Влюбленный глупеет, давно известно. Он волнуется, в мозгу его постоянно доминирует определенный очаг возбуждения, и эта доминанта гасит возбуждения других очагов – и влюбленный не может сосредоточиться, решить задачу, забывает одно и другое, и если прогнать его по тестам, у него может оказаться снижен коэффициент интеллекта.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Покой, безопасность, куча времени – человек может адекватно проанализировать ситуацию и принять оптимальное решение. А когда орут, стреляют, времени нет и гибель рядом – куча очагов возбуждения мешают друг другу, и дать доминанту на нужный участок мозгу трудно: вот тут нужно хладнокровие и быстрота соображения полководца. Кабинетный стратег в качестве строевого командира в бою может оказаться полным болваном. А позже может ясно видеть свои ошибки и удивляться: как же так напортачил.

Короче, волнение может сильно снижать наши умственные способности. Нервный школьник у доски может быть дурачком, а в разговоре наедине – умницей. Сбивается очаг возбуждения.

Так что в жизни обычно преуспевает не тот, кто очень умен в спокойном неторопливом положении, но дергается в деле – а тот, кто в «экзаменационной ситуации» может принять верное решение. Для сильно умного это решение – элементарно же, но в волнении он делает ерунду.

Но бывают гораздо, гораздо более интересные ситуации. Вот все спокойно. И человек не волнуется. И по большому счету в жизни чего-то хочет. И делает страшную глупость. И абсолютно не отдает себе в этом отчета. А время спустя вспоминает – и аж рот раскрывается: как он мог сделать такую глупость?! То есть:

Умный человек в спокойной ситуации часто совершает необъяснимую глупость вопреки собственным интересам.

Ощущение потом возникает такое, что какой-то участок мозга у него словно шторками задернули. Потемнение нашло.

Мы не имеем в виду цыганку, гипноз, уговоры, жульничество. Все чисто, все добровольно, без внешнего стимулирования.

Психолог и интеллектуал, большой интриган Березовский двинул в президенты Путина, хотя по психофизической фактуре Путина сразу должно было быть понятно, что первым делом он захочет убрать фигуры влияния и снять зависимость.

Грамотный партийный карьерист Горбачев начал либерализацию, хотя на примере даже современных лет Ирана и Польши было показано (еще два раза в истории), что структурно консервативная либерализация жестких режимов ведет к неконтролируемому развалу и перевороту.

Умные и образованные Гайдар и Чубайс скинули капиталы в частные руки, полагая, что с сохраненных командно-государственных высот будут управлять курсом реформ – хотя все всегда знали, что у кого бабки – тот и заказывает музыку (а иной вариант – это Гитлер, но никак не демократия, хотя и Гитлер был социалист).

А самый распространенный вариант – это когда *умный человек вдруг ляпает глупость*. И за язык его никто не тянул. То он с неуместной прямоотой огорчает хозяина отзывом об его обстановке. То бестактно шутит. То «режет правду-матку» о каких-то отвлеченных материях, которые его и волнуют мало, главное – что вразрез примитивных, на его взгляд, представлений собеседника: и видит, что огорчает его, и понимает, что зря огорчает, и не хочет этого делать, но вот само собой несет его.

Потом его могут не взять на работу. Или отказать в дальнейших услугах. Короче, вредит он себе. А когда ляпает – ничего не думает. А вообще умный. И даже, может, осторожный и хитрый. Но иногда ляпает. Мозги у него заедает.

И не болтун. Нормальный. И не злоязыкий. А ляпает.

И напоминает это вот что. Словно встроен в человека регулятор, который не дает ему подняться в жизни выше (т. е. сделать больше) некоего определенного уровня.

Такой регулятор может работать разными способами. Семейные неурядицы, мешающие работать. Несчастные случаи. Болезни не вовремя. Разнообразные совпадения. Короче, невезение. Удачи нет.

Удача – вещь серьезная. «Велика ли его удача?» – интересовались викинги о предводителе. «Удачлив ли?» – спрашивала анкета английских капитанов.

Способен, умен, храбр – но неудачлив: а вот, значит, по количеству и качеству общей энергии твоей – не делать тебе этого дела. Не карма. Не судьба. Понимаешь, умеешь – но объективно не можешь.

Акт временного умопомрачения – это самоограничение человеком уровня своего действия. Сбой в работе центральной нервной системы – мол, я уже близ своего потолка, надо попридержаться, спуститься немного, выше мне не надо. Это не глупость. Это особый род стресса – подсознательный, нефиксируемый раздрай и перенапряг психики. Это означает: сядь, расслабься, то, что ты по большому счету задумал – тебе не по плечу, ты этого побаиваешься, тебя тянет пониже и погарантированной. (Повторяю – речь не о глупости, не о хвастовстве, не о конфузах типа «с языка сорвалось» – мера своего идиотизма становится понятна человеку только днями, или даже годами, спустя: он спокоен, говорит обдуманно.)

Самая распространенная форма «ляпанья» – неуместная откровенность. Или интеллектуал-творец рассеян и забывает контролировать свою речь, неумышленно врезая собеседникам меж глаз и ног. Или туповатый не улавливает реакции собеседников: он вообще умный, у него просто «чувство партнера» слабое. Или человек просто чувствует, как ему «вожжа под хвост попадает». Но факт один:

– он бессознательно производит на собеседника впечатление, обратное тому, которое хотел бы произвести сознательно.

Падла, он устал притворяться, устал унижаться, у него уже невроз от этого! Подсознание шепчет сознанию: «Спи, моя радость, усни, все спокойно...» – а речевому центру велит: «Вломи-ка этим сукам, отведи мне душеньку!» А потом подсознание – юрк в норку! – а сознание ужасается: «Господи, что ж это я наговорило?»

В состоянии тихого умопомрачения человек абсолютно перестает соотносить свои поступки с их вероятнейшими следствиями. Он идет на автопилоте. Он видит только данный ход на доске, и сам по себе ход нормален. Причинно-следственному аппарату предвидения не хватает энергии для работы. Это – синдром скрытой усталости. Человек еще думает, что он идет к цели – а на самом деле его хитроумный мозг уже отказывается к ней идти, он хочет покоя, он чувствует себя перенапряженным. Не сейчас перенапряженным, а всей жизнью последних месяцев.

Акт умопомрачения – это подсознательное стремление к поражению (на энергетическом уровне).

И что характерно – подсознание норовит договориться с сознанием, чтобы акт умопомрачения не был замечен, зафиксирован. Сознание хочет быть спокойно: мол, я делаю то, что надо, что хочу и наметило, никакой раздвоенности. Поэтому всплывают в памяти такие акты и осознаются поздно и редко. Чтоб невроза не было по возможности.

Оптимизм и пессимизм

«А чтоб вы все сдохли!..» Это, скорее, пессимизм. Хотя выражает не столько прогноз, сколько пожелание.

Оптимизм – это уверенность в лучшем, а пессимизм – в худшем. Обычно считают так. Кто чего ждет от завтра.

«У одного вид пропасти рождает мысль о мосте, у другого о бездне». Это оптимист и пессимист на прогулке. Активно-уверенное и пассивно-безнадежное отношение к жизни.

Но. Но. Строго говоря, оптимист и пессимист различаются только в одном – взгляде на сроки конца света. Миллиард лет – оптимист, завтра – пессимист. Разница получается принципиальная, а результат один.

Логической аргументацией можно доказать что угодно. Что мы живем в лучшем из миров и в худшем из миров. Что жизнь прекрасна и жизнь ужасна. Что всегда есть для чего жить, и что жить вовсе не для чего. И что?

Единственно основательное, что осталось в философии от XX века – это экзистенциализм. Он чего? Он учил, что жизнь – это страх и трепет, одиночество и бессмысленность. Для этого надо быть философом? «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – такая пустая и глупая шютка». Лермонтов, 1839 год, образование – юнкерское училище.

Найдите хорошего психоневропатолога. Предположим, вы счастливчик, сапер-кладоискатель, и вам это удалось. И пожалуйста ему, что вас мучит беспричинный страх, грызет одиночество, и жизнь кажется вам бессмысленной. Отсыпьте ему презренного золота, не то он вами толком не займется. И тогда он потрет руки, облучит вас доброй крепкой жизнеутверждающей уверенностью во всем хорошем и предложит рассказать о детстве. И сунет вам в руку электрод, а вторым начнет тыкать в разные точки вашего тела. И обведет контур на бумажке. И если он действительно чего-то стоит, то проверит еще все рефлексy и пошлет на все анализы. И уяснит, как вы спите и что едите, и с кем спите и занимаетесь ли физкультурой, и есть ли дети и сволочь ли начальник, и много ли вас дразнили и били в школе, или наоборот – вас все любили, зато отец пил, и мать пела, и дедушка был паралитик. Если вы найдете такого врача – вас можно смело посылать на поиски Святого Грааля.

И он вынет из вас комплекс вины и объяснит, что вы ни перед кем не виноваты и никому не должны. И сделает пассы и накачает энергией. И отсыплет таблеток и пилюлек, прописав по схеме. Антидепрессантов и транквилизаторов. И расскажет про режим дня, водные процедуры, здоровый секс, религию и экстремальные виды спорта.

Потому что он будет иметь вас за больного человека, которого надо лечить от депрессии. И если он – супер, то сумеет откорректировать биохимию снабжения мозга, и у вас исчезнет страх и безнадежность, а появятся наглость и веселая жадность. Правда, таких врачей почти совсем нет. Совсем почти совсем.

Что означает одиночество, на котором скорбно и стоически держится экзистенциализм? Что человек недоволен своим мироощущением, ему дискомфортно, он хотел бы иначе: чтобы его больше понимали, больше любили, больше разделяли все его нужды и чувства, чтобы другой человек, или несколько, или много, жили и все чувствовали с ним в такт, в резонанс, в унисон. Чтобы он явственно ощущал и создавал себя воедино с другим/другими. А поскольку, судя по опыту, это невозможно – жизнь печальна и гадка.

А что вы скажете о человеке, которому обрыдла казарма, общага, кубрик, фирма, город – и который жаждет одиночества и наслаждается им? Что скажете о хуторянах-бирюках, схимниках, пустынныхниках, путешественниках-одиночках? Которые почитают одиночество за дар и благо?

Жизнь бессмысленна, горько констатирует экзистенциалист. И ему машет из окошек полная палата суицидников в дурдоме. А вы седуксен принимать не пробовали, интересуется дежурный врач?

То есть. Человеку плохо. Причем беспричинно плохо. Вроде все и ничего, а вроде ничто и не радует. Сплин. Если у него энергии и денег много – он может полезть на Эверест или на плоту пересечь океан. Но у депрессантов энергии обычно мало. Шевельнуться ему трудно. Неохота. Лень. Западлю. И тогда он начинает думать, почему ему плохо. А поскольку у него лично все неплохо, кроме настроения, он быстро приходит к выводу, что просто жизнь дерьмо в принципе. А те, кто этого не понимает, – тупые, ограниченные люди.

Экзистенциализм как порождение депрессии и психастении. Экзистенциализм как философия пессимизма.

Если человека не устраивает мир – это нормально. Но следствий из этого основных выводится три.

Первое: прогибаю мир под себя. Изменяю в соответствии со своими представлениями о том, каким ему быть, чтоб мне было лучше.

Второе: прогибаю себя под мир. Что есть, то и есть, и все это совсем неплохо, иногда хорошо и даже здорово, ведь счастье – оно не снаружи, а внутри меня.

Третье: констатирую, что мир меня не устраивает, и анализирую, почему и не может устраивать: ведь если подумать – что ни делай, а все равно мне плоховато. Третий вариант самый легкий. Незатратный. Делать ничего не надо.

Пессимист – это сочетание пониженной энергетики с вялым же интеллектом, который базируется тоже ведь на энергетике. А экзистенциалист – это сочетание пониженной энергетики с развитым интеллектом: думать легче, чем действовать.

Экзистенциализм – это идеология интеллектуализированной низкой энергетики. Интеллектуализация невроза.

Шутка бывает точнее многонаучных выкладок. Оптимисту клопы пахнут коньяком, а пессимисту коньяк пахнет клопами. Логически безупречное построение, опровержению не подлежит.

Обычно когда женщина рожает, она клянется себе, что делает это в (первый и) последний раз. Боль, потрясение, кошмар, да не хотела я этого никогда и никогда не захочу, да какой смысл, такой ценой, сейчас умру, перенести невозможно, спасите, мама!!! (Ну, без наркоза и обезболивания вообще, по-природному, типично.) Проходит короткое время – и это состояние словно начисто улетучивается из памяти, и все кажется ничего, и дети – это чудо, и все снова. Биохимия снабжения мозга разная при родах и до-после.

Как два разных человека.

Экзистенциалист – это роженица со стойким остаточным родовым комплексом, только без ребенка. Ужас родов при отсутствии плода.

Поскольку наша жизнь есть то, что мы о ней думаем, – не важно, что будет завтра, а важно, как мы будем себя чувствовать. Можно и харакири сделать с радостью, явив себе, людям и богам мужество, твердость и верность долгу: высшая точка жизни, боли несколько секунд, а остальное навечно.

Оптимизм – это не прогноз, а мироотношение. А все равно жизнь неплоха!

Когда я слышу про страх и трепет, одиночество и бессмысленность, передо мной встает свирепый и жизнерадостный сержант, который вопит про наряды, сортиры, турник и километры гусиным шагом. И огромный, бесстрашный, немый викинг, первый боец Европы, победоносный предок бедного вырожденца Кьеркегора, бьют которого копенгагенские студенты почему-то регулярно закидывают яйцами. Чего боишься – то и после смерти получишь.

Одиночество и бессмысленность означают: мне дискомфортно, но я (... цепь рассуждений ...) не делаю ничего. Что тебе дискомфортно – это нормально, не в раю. А что ты ничего не

делаешь, а только анализируешь причины и теоретизируешь – это не более чем один из вариантов реакции на дискомфорт; не основной вариант, не первостепенный, но также возможный; и даже полезный и объективно необходимый как один из аспектов познания, осмысления мира по всей сфере мысленных ходов постижения.

Пессимист-страдалец, человек пониженной энергетики, удовлетворяет свою потребность в ощущениях в основном в отрицательной половине эмоциональной сферы. Оптимист – понятно, более в положительной.

Если страдание – это побуждение, стимул к действию (избавиться!), то пессимист – это вариант, когда стимул наличествует, но не срабатывает. Ну, пар в котле есть, а трансмиссия сломана, или колеса отвалились. С точки зрения суммарных действий человечества – неизбежный процент брака. А с точки зрения знания (которое – сила) – взгляд на предмет с изнанки, с другой стороны: а мало ли что там, вдруг пригодится.

А оптимист (иной тип психики, иные нюансы биохимии) иногда не прочь увильнуть от действия таким образом, что не страдает там, где большинству плохо. А ему и так хорошо! Жизнерадостный бомж – это другая крайность, можно сказать – иной тип брака.

Логически два подхода равноправны, но для счастья (.....).

Жажда правды, тяга к познанию и любопытство – это инстинкт выживания: это потребность в адекватной и полной информации для ориентирования, действий и выживания в окружающей среде.

Ложь и умолчание – это кража моего знания, моего поступка, моего мира. Лжец – вор и убийца моего зрения и судьбы, мой смертельный враг.

II

Государство как система

1. Два муравья

Возьмем небольшой плексигласовый ящик с песком. Посадим туда муравья. Муравей побежит и начнет копать. Выроет ямку и насыплет рядом холмик.

Посадим к нему второго муравья. Они начнут копать вдвоем. И насыплют, очевидно, холмик вдвое больше.

Ну так нет – не вдвое. Втрое! Производительность труда резко подпрыгивает. Этот факт энтомологи-«муравьеведы» объяснить не могут – они его лишь констатируют.

Почему муравьи сообща делают больше, чем порознь? Допустим, что они копают одну ямку вместе, а не две по отдельности, потому что в них инстинкт коллективизма. А упираются-то больше почему? Социалистического соревнования у них нет, аккордный наряд на земляные работы не подписан.

Два муравья – это уже система. Даже два муравья – уже не сами по себе, но образуют простейшую систему.

А система – это уже не количественно, а качественно новое образование. Она не равна простой сумме составляющих ее частей. Ее возможности, мощность, эффективность выше, чем суммарные возможности ее монад по отдельности.

Под монадой здесь понимается неделимый системообразующий элемент, способный к самостоятельному существованию и сохраняющий свои свойства и вне системы: обладающий индивидуальной автономией.

Энергия системы выше, чем сумма энергий ее монад. Откуда? Арифметика здесь работает уже иначе. Один плюс один равно трем. Вступая во взаимодействие, монады «вскрывают резервы энергии», которые не проявляются вне взаимодействия.

2. Цвай камараден

Человек роет канаву. Суем к нему в канаву другого человека. Очевидно, вдвоем они выроют вдвое больше.

Тоже нет. Вдвоем они могут вытаскивать камни, которые одному вообще не под силу. Или – один долбит ломом, второй выгребает совковой лопатой, потом меняются: при смене операций устают меньше, вырабатывают больше.

Санитар тащит на горбу раненого: пыхтит и качается. Вдвоем на носилках они с теми же затратами времени и труда вынесут не двоих, а троих, четверых.

Даже два человека – это уже система, которая может больше, чем эти два человека порознь.

Мы пока не говорим о разделении труда и специализации. Мы говорим лишь о простом соединении усилий.

3. Бригада

Берем двадцать человек, снабжаем всем необходимым и суем в тайгу. Продукты скоро кончатся. Инструменты есть. Выживать надо.

Начинают выживать. Воду находят: ручей, речку, озерцо. Рыболовные снасти ладят, на охоту ходят. Деревья валят, жилье ставят. Если нормальные мужики – через год встанет в тайге нормальный мини-поселок.

И будет в этом поселке нормальное разделение ролей. У одного глаз зорче и рука тверже – его больше отправляют охотиться. Другой с топором ловчее управляется – «главный плотник». Третий – самый здоровый: лес валить, тяжести ворочать – здесь он первый. И так далее.

И понятно: сунь их в тайгу поодиночке – не факт, что вообще все выживут. И хижина у одиночки будет жалкая, и заболевшему ему помочь некому, и т. д.

Итак, система обеспечивает своим членам лучшую жизнь, чем они могут себе создать по отдельности. И сделать могут они вместе больше, чем по отдельности. И вот для хорошей жизни и взаимопомощи они объединяются.

Просто и мило. Слишком просто и мило, чтобы быть всей правдой.

4. Тургруппа

Туристы идут в поход для отдыха и развлечения. И быстро начинается: кто-то натер ногу и не может быстро идти, кто-то не может толком кашеварить, кто-то простудился, кому-то лень воду тащить в ведре.

Начинается распределение обязанностей, составляется график очередности: носить воду, собирать дрова, варить пищу, ставить палатку. Невелика работа, но любого быстро раздражает, если он что-то делает за другого, больше другого, по его мнению. Вначале-то, если туристы неопытные, все пылали приятны и уверяли друг друга, что не фиг там очереди устанавливать, мол – кто свободен, устал меньше, тот и сделает. Практика быстро отрезвляет: давайте-ка организовываться.

Аморфное скопище превращается в систему. В этой системе всем лучше и спокойнее. Поводы к раздражению минимизируются. Появляется что-то вроде зачаточного Закона, обязательного для всех.

И по этому Закону, кстати, скорость группы определяется по самому медленному и хилому. И ему, если переходы тяжелые, приходится помогать: тяжелые вещи из его рюкзака другим тащить, через реку его переправлять, если он плавать не умеет, кашеварить за него, если он от усталости не дышит.

На черта его тащить с собой, не лучше ли бросить? А может, он самый умный и хорошие советы подает. А может, дурак, но вот внук его родится гением: есть смысл поберечь. А может, уж очень человек душевный, коллективная совесть. А если сволочь? Но главное: сегодня его бросили, а завтра меня, вдруг я заболел. Нет, уж группой – так группой.

Опять же – получаем оптимизацию действий, преимущества коллективного выживания.

Вот какие мы умные, гуманные и, соединяясь в систему, лучше выживаем. Так, что ли? Банально, что ли?

5. Ролевое распределение

И всегда выделяется лидер. Он не всегда самый сильный. Не всегда обладает самым твердым характером. Не всегда самый умелый по жизни. И не всегда самый умный. Но вот по сумме этого многоборья у него больше всех очков.

А самое главное – в критических ситуациях он всегда берет на себя ответственность, принимает решение и добивается от остальных его выполнения. Он может организовать, убедить, настоять, заставить. И ему это нравится и этого хочется.

А если не очень хочется? Тогда сообща выбирают себе старшего. Потому что в некоторых ситуациях кто-то должен руководить, командовать: хотя бы бревно на сруб поднимать или с привала сниматься.

И всегда выделяется аутсайдер. Или самый хилый, или жирный, или робкий, или неумелый. К нему снисходят, посмеиваются, при случае помыкают.

И есть группа повыше, «перворанговая». И есть – пониже, «второранговая». По силе, характеру, умениям.

И энергичные всегда будут наверху. А вялые – внизу.

И все это выглядит разумно и логично. И представляется к пользе дела: люди от природы не равны, каждый делает что может и получает благ и уважения в соответствии со своим вкладом и натурой.

Социум, понимаешь. Человек – животное социальное, заметил еще Аристотель.

6. Крысы в вольере

Ужасная вещь: для того, чтобы живым существам образовать из себя и собою систему, много ума не надо. Без гениального человеческого разума многие обходятся. Э?

Моржи в стаде, волки в стае, львы в прайде и т. д. – все имеют свою иерархию. Могут сказать: естественный отбор – дают потомство самые живучие и приспособленные. Гм.

А вот крысы. Весьма многоступенчатая иерархия в крысином сообществе. Вожаки, перворанговые самцы, перворанговые самки, второранговые, парии.

Вот они живут в вольере. Корма и места всем достаточно. Но иерархия соблюдается! Хотя прямого смысла нет – все выживают. Но они не сами по себе – они в системе. Сегодня легко жить, завтра трудно – а система сохраняет себя.

И вот открывают дверцу в соседний вольер – пустой. И крысы туда не торопятся. Они умны и осмотрительны, осторожность не вредит: что там, в новом свете?

Первыми идут обследовать новую территорию «разведчики» – особи обычно второранговые, которым дома не мед. А вдруг будет неплохо, лучше?

Затем они возвращаются домой – и уже с группой переселяются на новое место – «пионеры».

А потом уже около половины стаи перетекает на новое пространство, обследованное «пионерами» и явно пригодное для жилья. И первое, что делают «вожаки» из тех, кто перетек с этой половиной, – убивают «разведчиков».

Вам это ничего не напоминает?

Система стремится сохранить себя. Не важно, что корма и места достаточно. Психологический и через него социальный механизм продолжают выполнять свою программу.

Система – не простое сообщество монад, но новая структура. У этой структуры свои возможности и свои задачи. Самосохранение и саморазвитие – весьма важная задача системы. По ситуации выделяются новые роли – а потом роленосители уничтожаются: порядок.

Система существует для того, чтобы в тяжелых и опасных условиях реальной жизни обеспечить выживание и размножение самых сильных и приспособленных. А для этого надо контролировать как можно большую территорию и поголовье на ней.

В Австралии «разведчики» удрали бы подальше и размножились безмерно. А в вольере удрать им некуда...

Как там насчет революций, пожирающих своих детей? Насчет первооткрывателей, которых обирали и выталкивали государственные чиновники и торгаши? Но не будем забегать вперед.

7. Зеки в камере

А теперь суем двадцатерых не в тайгу и не в поход, а в тюремную камеру. Или – отряд на зоне.

Российский следственный изолятор, где не повернешься и не продохнешь, брать не будем: это уже пытка бытовыми условиями. Возьмем нормальную благоустроенную зону. Для человека, впервые попавшего туда на экскурсию, условия жизни выглядят удивительно гуманными: непонятно даже, в чем уж такое наказание. Жилое помещение напоминает благоустроенную армейскую казарму: нормальные койки в два яруса, тюфяки, одеяла, раз в десять дней сменяют свежее белье и водят в баню. Трехразовое питание – ну ничем не хуже обычного солдатского в обычном линейном мотострелковом полку: воруют меньше прапорщики и интенданты. Восемь часов сна – отдай. Восьмичасовой рабочий день в производственной зоне – нормальная работа: рукавицы там или тапочки шить, или ящики сколачивать, или по металлу чего точить. Не переломишься. И даже с жалких грошей, что выплачивают зеку из заработанного, можно в ларьке купить сигарет, или чаю, или пряников. И даже посылки с воли иногда приходят с едой или теплыми вещами. Ребята – ну ей же Богу ничем не страшнее армии, только муштры и окриков куда меньше.

Адом делают свою жизнь сами зеки.

Жесточайшая иерархия. Наверху – пахан, главвор: в углу у окна подальше от двери, на нижней койке, на лучшем месте. Рядом – воры и блатные. Они не работают, им западло: уголовный закон не велит. Носят тюремную одежду и обувь поновее. Отбирают лучшие куски из посылок и передач остальных. Пол не моют, сортир тем более. Помыкают остальными.

«Мужики» работают за себя и за воров и лучшее отдают им.

«Чушки» делают грязную работу, над ними издеваются для развлечения и чтоб знали свое место.

«Опущенных», «петухов» можно драть, и за людей они вообще не считаются, их можно заставить хоть на дереве жить.

Казалось бы: зеки – товарищи по несчастью, вертухаи – их враги. Так логично бы помогать друг другу, облегчать друг другу жизнь – и сообща противостоять угнетателям. Фиг!

Тюремные психологи возымели было мнение, что это происходит из-за гадских уголовных традиций: испорченные рецидивисты портят жизнь остальным. Ставили опыты: осужденные по первой ходке, с нетяжелыми бытовыми статьями, не пихаются вперемежку на общий режим – а отделяются и селятся вместе, без блатных. Нормальные, то есть, люди в приемлемых условиях.

И через короткое время эти мирные люди образуют точно ту же структуру: по своим правам и обязанностям выделяется «вор», «блатные», «мужики», «чушки», «опущенные». И жизнь делается в такой камере или отряде еще ужаснее: рецидивисты как-то соблюдают традиции «закона», а здесь сплошной беспредел, отношение к тем, кто ниже тебя по этой социальной лестнице, еще более жестокое и неограниченное в издевательствах. Опыты прекратили – озадачились...

Итак, мы имеем самоорганизацию системы. Помогает ли такая система что-то делать, работать, производить? Нет. Помогает ли выживать своим членам? Нет, наоборот. Так на кой черт она нужна и почему образуется?

Пытались мешать организации такой системы, объясняя зекам нерациональность их поведения, не говоря уж о негуманности. Меры принимали, запрещали, наказывали. Не получалось. В карцер шли «воры» и «блатные», но на своем стояли. А самое-то ужасное – убирали блатных, так из «мужиков» выделялись другие на их место.

Но. Но. Что дает своим монадам такая система? А сильные ощущения дает – и положительные, и отрицательные. Пахан наслаждается своей властью и чувствует свою значительность – но постоянно готов за свою власть драться, рисковать, лезть на нож или наматывать себе новый срок. Блатной прогибается перед паханом, презирает мужика и сладко глумится над опущенным. Опущенный страдает – но счастлив, если не избили, не опустили почки, разрешили пожрать. Мужик оберегает свой статус, глотает унижения и побои от блатных, радуется, если все сравнительно благополучно в его этой жизни, и чувствует себя человеком по сравнению с презируемой кастой, мастью.

Мы имеем социум. Структурированное общество. Вне себя эта система может ничего не производить. Но внутри себя обеспечивает своим монадам «эмоционально богатую, наполненную жизнь».

Этот чувственный аспект первичен при самообразовании людей в систему. Даже если у системы отсутствует конкретная возможность и цель деятельности, она все равно образуется.

В принципе (в принципе!) отношения в камере не отличаются от отношений в детсадовской группе или школьном классе: есть лидер, хулиганы, середняки, слабаки, стукачи, изгои, «ломом опоясанные» одиночки.

Разум, рациональный подход к устройству своей и общественной жизни, к решению стоящих перед сообществом людей задач – здесь не главное, не доминанта.

Психологическое устройство человека, его повышенная энергетичность, которая проявляется прежде всего на уровне потребности в сильных положительных и отрицательных ощущениях, обеспечивает самоорганизацию людей в систему.

Человеку потребно включать себя в людскую систему прежде всего не для решения конкретных реальных задач – а для получения максимальных положительных и отрицательных ощущений. Понятно, что это его стремление не умственно, а подсознательно – и реализуется более через подсознательные влечения, чем через осознаваемые жизненные потребности.

Для человека как системообразующей монады первично не стремление решить реальную, бытийную задачу, которую проще решить сообща – а стремление получать посредством системообразования больше положительных и отрицательных ощущений: т. е. жить активнее на уровне чувств.

Корень – в этом.

Образовываться в систему, чтобы больше и мучиться, и радоваться. А больше делать – с точки зрения человека как субъекта прежде всего чувствующего – это уже следствие, это вторично.

Вот таков исходный механизм системообразования для человека.

8. Семья

Семья – система более биологическая, нежели социальная. В одиночку человек не размножается. Биологические роли мужчины и женщины взаимодополняющие. Сущность и назначение семьи как двуполой системы понятны на биологическом уровне. Вряд ли здесь требуются разъяснения.

А вот однополая семья для понимания чуть сложнее. Мы имеем подобие биологической системы – без ее реальной природной функции. (Хотя многие гомосексуалисты и лесбиянки мечтают о времени, когда наука позволит им иметь ребенка с любимым человеком без участия противоположного пола. И, что характерно, не исключено, что в будущем они получают свой шанс. Что лишний раз подтвердит нашу теорию: чувство стремится через разум к совершению действия.)

Человек размножается не потому, что говорит себе: мне пора размножиться, такова функция моего организма (мой долг перед народом, перед государством, надо оставить потом-

ство, надо передать кому-то наследство). Он хочет совокупляться с противоположным полом. Вообще – или с конкретным или даже единственным представителем. Хочет наслаждения, ласки, заботы, понимания, любви, уюта, общения, защиты и т. д. Детей хочет, а иногда не хочет и применяет контрацептивы, а иногда не думает об этом, а просто хочет обладать партнером. Но даже при осознанном желании иметь ребенка это чувство невозможно резко отделить от сферы прочих сопутствующих чувств и желаний, которые выше перечислены.

Гомосексуалист тоже всего этого хочет. И образует с другим гомосексуалистом семейно-подобную систему. Всё как в семье. Ну, только вместо комплекта половых органов два полуконспекта. Оба отлично знают, что дети у них не родятся. А друг друга хотят и даже иногда любят.

Ну, сбой в хромосомах. Или наведенная привычка, перешедшая в рефлекс. Или отсутствие лиц противоположного пола – при ощутимой половой потребности.

Для нас сейчас важно не это. А то, что даже такая биологически обусловленная (можно сказать, абсолютно жестко детерминированная) система, как семья, образуется монадами не для того, чтобы выполнять конкретную задачу размножения, а для того, чтобы удовлетворять желания, т. е. давать ощущения.

Один не хотел жениться, тяготится семьей, гуляет – а живет. Второй хочет создать семью – да что-то ни с одним конкретным партнером у него жить не получается, хотя для выполнения природной задачи почти все годятся. Чувства первичны, чувства!

В основе создания и существования системы лежит стремление человека к ощущениям. Сенсорное, а не рациональное.

Гомосексуальная семья – как отряд на зоне: система существует и удовлетворяет потребность в ощущениях, вот только реальных следствий в окружающем мире нет. Субъективная обусловленность системы есть – а объективная отсутствует.

Непродуктивная система. Можно сказать так.

Гетеросексуальную семью можно в этом плане уподобить бригаде в тайге: не только вступают в ролевые отношения, но и производят вследствие этого большие реальные действия в окружающей среде, как-то изменяют ее.

Продуктивная система. В данном случае – репродуктивная.

9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя

Что делает продуктивная система? Производит «внешний» продукт. Что-то такое делает, что объективно появляется и существует вне ее. Можно сказать: структурирует окружающее бытие, складывает какие-то его детали в такие конструкции, которых раньше, до действий системы, не было. Поселок строит, к примеру.

Что делает непродуктивная система? Никакого внешнего продукта она не производит. Окружающий мир, объективно глядя, не изменяет. Существует сама для себя. А составляющие ее монады, люди, вполне заняты: вовлечены в межличностные связи, напрягаются в поддержании внутрисистемных отношений, заботятся о своем статусе, прикладывают силы для поддержания своего положения, радуются и горюют. Отряд зеков.

Различие между ними понятно: это наличие или отсутствие в окружающем Бытие следствий существования этих систем.

А сходство? В аналогичности внутренних структур и внутреннего функционирования. Мир зека сужен до размеров камеры или зоны. В этом мире зек реализует свои желания и возможности: устраивается лучше или хуже, отлынивает от мытья пола, охотится за лучшим куском, достает лучшую одежду, тащит ярмо опущенного или сражается за привилегии блатного. И борется за это ничуть не меньше, чем работяга за повышение зарплаты или сокращение рабочего дня. И самоутверждается в этом ничуть не меньше, чем начальник бухгалтерии над младшим бухгалтером или директор завода над своим шофером.

Первый на деревне – более человек, чем последний в Риме, справедливо рассудил Цезарь.

Любая система всегда и прежде всего структурирует Бытие-внутри-нас. Свой внутренний, субъективный мир. А вот этот внутренний мир – может распространяться на внешний, а может и нет. Система прежде всего имеет дело с миром как со своим представлением о мире. Это представление о мире прежде всего включает ее саму, а уже потом – все остальное.

Системе без разницы, как проецируется ее Бытие-внутри-нас на внешнее Бытие-вне-нас. Главное – чтоб в Бытие-внутри-нас было все в порядке. Для сравнения: двигатель должен работать, а уж едет машина или нет – это дело коробки передач, кардана и колес. А сам двигатель старается как может, и в его представлении чем лучше он работает – тем больше от него толку машине, а что там с ней на самом деле делается – он знать не может, он судит о езде по собственной работе.

С точки зрения внешнего наблюдателя, объективной, система или структурирует Бытие-вне-нас – или это какая-то бессмыслица, низачем не нужная. С точки зрения внутреннего наблюдателя, субъективной, система всегда структурирует Бытие (-внутри-нас), в этом ее смысл, целесообразность, необходимость – а «провести грань» между Бытием-вне-нас и Бытием-внутри-нас она «не может» – не может выскочить за рамки себя как субъекта, своего представления о мире, своих задач.

10. Фирма

В «Законах Паркинсона» есть дивный пример. Британское Адмиралтейство. Во время I Мировой войны тоннаж и количество выпелов Его Величества флота значительно вырос. В отстающей пропорции рос и аппарат Адмиралтейства.

После войны флот стал сокращаться. А аппарат продолжал расти. В результате флот стал меньше довоенного – а аппарат значительно многочисленнее. Хотя дел у него, казалось бы, стало меньше. Но на внутрисистемном уровне – дел стало больше! Управления, отделы, подотделы и горы бумаг.

Каждый хочет зарплату и должность выше. Функционеры находят все новые способы улучшения общей работы, уточнения всех деталей и подробностей, совершенствования обеспечения боеготовности – и так без конца. И заняты все – выше горла!

На уровне монады, человека, – каждый стремится быть полезнее, значительнее, делать свое дело еще лучше – и лучше при этом жить. На уровне системы – она заботится прежде всего о себе самой: еще бы, ведь она – мозг и нервы флота, она – главная, без нее он превратится в мертвое железо, это она все обеспечивает, и, следовательно, чем ближе ко всеобъемлющей ее работа – тем лучше, это первоочередная задача. И она громоздится над собой, как скала на дрожжах, если скалы могут расти на дрожжах. И бюрократизация аппарата душит все вокруг.

Флот полагает, что Адмиралтейство для него. И работники Адмиралтейства тоже так полагают! Но у системы своя логика, своя целесообразность и свои законы развития. Система неизбежно отождествляет свое благо с благом флота. Все нужды воспринимает в первую очередь через призму нужд собственных: ведь она – не чужая флоту, не инородное образование, она – его мозг, руководящий орган, главная.

И сотрудники засиживаются после работы и получают благодарности, выговоры, премии, награды, чины и инфаркты.

Вышеизложенное в общем относится к любой фирме, коллективу, учреждению. Стремительный рост фирм в России девяностых годов показывает, как созданное несколькими приятелями предприятие мгновенно бюрократизируется и многоступенчато усложняется по мере существования. И вот уже простое дело требует внутренних виз и согласований, и всем нужны дополнительные сотрудники, и не хватает мест в просторных недавно помещениях.

Субъективный фактор понятен: каждый хочет быть значительнее, главнее, богаче. Но есть и объективный. Руководители с удивлением убеждаются, что многого внутри собственной фирмы они просто не в силах изменить: люди сволочи, хорошо работать не хотят, заменить за ту же зарплату их нечем, выгнать нельзя – масса мелких дел провиснет, многочисленные партнерские обязательства вяжут по рукам и ногам, рынок диктует свои законы, отдохнуть толком некогда – свобода превратилась в сплошную необходимость, не то фирма просто рухнет. Система начинает диктовать человеку.

Он делает фирму для себя – и становится ее рабом. А кто его заставлял создавать систему? А собственная энергия, желание делать дела и бабки. Ну – получи. Зато ощущений – море. И пахоты выше крыши. Самореализация.

Система делает себя из людей и начинает выжимать из них соки. Стремится заработать максимум денег. Растет и превращается в монстра. Делается неразворотлива, хуже ловит мышей, медленнее реагирует на новое. Раньше или позже рушится: вечных систем нет.

И всегда преследует собственные интересы, которые могут совпадать с интересами монад, а могут и нет.

11. Ветвь и дерево

Сюда можно насовать массу цитат, начиная от Платона. Сравнения с ульем и муравейником, метафоры о воле богов и железной руке провидения. Джон Донн, Бен Гилель и еще шеренга. Ограничимся Паскалем: «Ветвь не сознает, что она – часть дерева».

12. Армия

Системы могут быть продуктивными и непродуктивными. Но продукт тоже бывает разный. Вообще под «продуктом» здесь понимается действие, изменение, любое переструктурирование Бытия-вне-нас. Может быть кон-структурирование и де-структурирование, упрощение и разрушение уже имеющихся структур.

Классический образец деструктурирующей системы – армия. Конструктивный аспект армии как системы – с одной стороны, она входит необходимой подсистемой в систему государства, с другой стороны – под нее создаются материальные и социальные структуры, из которых она и состоит. Деструктивный, а вернее – деструктурирующий аспект: армия существует для уничтожения и разрушения.

Армия прекрасно иллюстрирует превосходство системы над бессистемным скоплением, равным ей по численности, массе, по арифметической сумме энергий составляющих бессистемное скопление монад. Для простоты: превосходство фаланги над вооруженной толпой. Регулярного войска над сбродным ополчением.

«Лучше стадо баранов, предводительствуемое львом, чем стадо львов, предводительствуемое бараном», – повторил Наполеон формулировку Эпаминонда. Четко координируемое сложение усилий.

Средний германский воин в единоборстве не уступал среднему римскому, а скорее превосходил его: рослый, сильный, яростный, бесстрашный. Чего германцам не хватало? Организованности и дисциплины.

Берем самых сильных, агрессивных, сущих зверей, обученных бою. Составится ли из них наилучшее войско? Не факт. Если они начнут спорить с командиром, показывать в повседневности каждый собственный характер, действовать в бою по своему влечению, пониманию и стремлению к подвигам – система начнет давать сбои. Поэтому буйных в армии репрессируют, даже если это лучшие бойцы. Лучший боец – это хорошо, но гораздо важнее, чтоб ты без-

упречно функционировал как винтик системы. Фаланге не нужны индивидуальные подвиги, фаланге нужно безупречное выполнение приказа каждым.

Так что не надо удивляться, когда люди с наилучшими бойцовскими качествами и желаниями в армии не преуспевают, а вообще не вылезают из взысканий. Не вписываются в систему. Ломаются, обтесываются или отторгаются.

Какие качества ценятся в воюющей армии, кроме безоговорочной исполнительности? Умелость, выносливость, известная предприимчивость в выполнении приказа любыми средствами и любой ценой.

Хлоп! – победили, выводятся из боев, война кончена, армия начинает жить в мирных условиях. Что произошло?

А произошло принципиальное изменение системы. Из продуктивной она превратилась в непродуктивную. Она больше ничего вне себя не производит. А внутренняя структура осталась та же самая.

Эге. Армия уподобляется тюрьме. Рота – отряду на зоне. Жизнь ее – Бытие-внутри-нас. Объективно она ничего не делает.

Критерии исправного солдата меняются. Бойцовость и предприимчивость больше не нужны. Нужен внешний вид и образцовое содержание гарнизона. Строевая подготовка и знание уставов. Хороший солдат: мгновенно прыгает из койки в строй и из строя в койку, рубит вызубренные ответы на занятиях, начищен, в самоход не ходит, пьяным не замечен. Хорошая часть – где нет ЧП, не ломается техника, не дезертируют воины, покрашены заборы, трезвы офицеры, ничего не взрывается и не крадется. Тогда начальство довольно и чины идут.

А что солдаты не умеют стрелять и укрываться от огня, механики-водители еле справляются с техникой, техника стоит в парке на консервации без профилактики десять лет по принципу «не тронь – не сломается» и в случае войны хрен заведется, офицеры жиреют и забывают даже то, чему учились в училищах – это, в общем, не важно.

Зато боевая часть привела бы инспекцию в ужас и негодование: одеты кто как, строевая ни в дугу, козырять ленятся, техника ободрана, уставов не знают – сброд, сброд! всех драть, командира гнать.

Энергия монад в боевой армии суммируется и пускается в боевые действия. Та же энергия в мирной армии пускается во «внутренний распорядок». А поскольку «внутренний распорядок» столько же энергии потребить не в состоянии, то, во-первых, отцы-командиры придумывают солдату как можно больше работы – любой, лишь бы был занят и «не разлагался», а во-вторых, солдаты вкладывают свою энергию в построение и поддержание межличностных отношений, которые в боевой армии никому не приснятся: кому где курить можно, а кому нельзя, кому какая вольность в одежде положена, а кто думать о таком не смей. Внутренняя структура усложняется по принципу, сходному с камерным. Только вместо блатных – старики, а вместо чушковых – молодые, новобранцы то есть. Эмоций у тех и других – море. Жизнь – адская. В России сегодня это называется «дедовщина».

Самореализация и самоутверждение мирных солдат происходят через структурирование внутрисистемных отношений. Для солдата эти отношения имеют огромное значение. Есть ли у нас возможность структурировать Бытие-вне-нас, нет ли, но Бытие-внутри-нас мы структурируем всегда.

(Так и напрашивается вопрос: ну так как же прекратить дедовщину в мирной армии? Если конкретно, то – приблизить формальные отношения к неформальным: сержантами делать только старослужащих, через каждые полгода давать солдату определенные значки отличия и льготы; бессмысленную муштру заменить осмысленной боевой учебой. Если абстрактно – то отсосать из системы часть энергии: больше отпускать солдата из гарнизона, да пусть он хоть ночами на заводе подрабатывает, деньги на дембель копит: меньше будет придавать значения изматывающим завышкам гарнизонной жизни. Но это все на уровне благих пожеланий...)

13. Государство – всегда

Система живет внутри человека. Кому охота, можно сказать, что стремление и способность человека общаться с себе подобными в систему имманентно.

Роман Голдинга «Повелитель мух» недаром стал одним из хитов XX века. Всего у пацанов для жизни на необитаемом острове хватало, но государство со всеми его прелестями и ужасами они себе сварганили мгновенно и «автоматически».

В суровых условиях сообща легче выживать – о'кей. Но если для выживания вовсе никаких условий прилагать не надо, люди все равно государство или пред-государство образуют. На благословенных островах Океании, где в курортном климате пища только что сама в рот не падает и хищников нет – иерархия, ранги, ролевые различия, закон, подчинение, табу и т. д.

В системе человек получает больше положительных и отрицательных ощущений. В системе живет более полной жизнью. В системе полнее реализует все свои возможности и самоутверждается, измеряя степень своей реализации относительно других себе подобных. В системе совершает большие действия, обща с себе подобными активнее структурируя окружающий мир – Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас.

Людей-одиночек история не знает. Сколько мы можем говорить о человеке – столько он существовал в той или иной государственной или пред-государственной системе.

14. Цель государства

Один из самых идиотских лозунгов – это: «Цель государства – благо народа». Эту лапшу вешают на уши своим доверчивым гражданам государства, которые дважды в XX веке устраивали мировые войны и уничтожали десятки миллионов человек, ввергая свои народы в бедствия страшные. И всегда находились красивые лозунги на злобу дня: «Свобода», «Независимость», «Счастье», «Справедливость», «Жизненное пространство» и «Оборона священных рубежей».

Все хотят блага – а получается, мягко говоря, всякое разное. Хотим собрать кровать – а получается пулемет. Масса причин, разнообразие следствий, и для блага народов атомные ракетноносцы прошпиговали мировой океан. Народ, жалуются, не созрел до Царства Добра. Такое горе: нету для нас у Господа другого народа.

Чтоб лежать папуасу под пальмой и кушать банан, государство ему не нужно. В государстве он изладит копье и побежит убивать другого папуаса. Вот и все благо. По команде вождя.

Может ли государство сделать людей счастливыми? О, дайте рай с милой в шалаше, банан с пальмы – и подите все к черту!

Мы счастливее и добродетельнее древних греков? Сейчас! Мы умнее? Ага. Он – Аристотель, а ты – дурак. Мы стали отчаянно гуманнее? Оу, йес! Ковровое бомбометание как орудие гуманизма. Мы можем больше сожрать и выпить? Увы, емкость желудка не позволяет.

А в чем же мы добились явных результатов? Мы больше знаем о всякой всячине и больше производим всякой всячины.

Научно-технический прогресс налицо. Материальный прогресс налицо. Прочие аспекты? Античная скульптура, архитектура, драма – подавитесь своими бетонными коробками и мыльными операми.

Представим себе благо народа в Древнем Египте. Пшеницу сеют, скот пасут, пиво делают: хорошо живут, чего еще. Нет: упираются и строят гигантские пирамиды – пот, труд, пыль, камни, стук, жара. Чего в тени-то не лежалось?

А что осталось бы от Древнего Египта, если бы не было пирамид, храмов и золота фараонов? А ни хрена бы не осталось.

Человек делает самое большое, на что он способен в жизни.

И государство – система – делает самое большое, на что способна она, система. В этом ее цель и задача.

Древние египетские царства существовали не для того, чтобы египтяне ели больше пшеницы и пили в тени больше пива. А для того, чтобы ставить пирамиды.

Знания, ремесла, науки, профессии, религии, жрецы, письменности, богатства – это все прекрасно. Но если мы посмотрим со стороны, из дальнего далека, объективным глазом, на все, что там эти людишки на Земле делали – увидим мы только то, что они таки сделали. Вот в Египте – пирамиды поставили. Часть знаний грекам и семитам передали. И сгинули.

Суть системы не в том, чтобы монада была жирная и благополучная. Суть системы в том, чтобы монады больше чувствовали и делали в ней, чем по отдельности. Монада полнее самореализуется и активнее структурирует Бытие.

15. Локк, Гоббс и Спенсер

Эти великие английские философы в общем рассматривали государство как организм в целесообразном взаимодействии его органов. Управляющая голова, работающие руки, превращающий пищу в питание для всех органов пищеварительный тракт, доставляющая до потребителей кислород и питание торговля-кровь и т. д. Подобный анатомический подход часто употреблялся как традиционный и даже канонический. Здесь все понятно и логично.

Системный подход – он более общий, и потому более плодотворный и верный. Организм – это тоже система, частный ее случай.

16. Предварительные обобщения

Человек стремится к максимальным оптимальным ощущениям и максимальным оптимальным действиям.

Сообразование в систему позволяет человеку полнее удовлетворять исконно ему присущее (имманентное) стремление к большим ощущениям и действиям.

Сообразование в систему исконно присуще человеческой натуре.

(Мы здесь рассматриваем человеческие – общественные, социальные – системы.)

Системы бывают продуктивные и непродуктивные.

Непродуктивная система структурирует исключительно Бытие-внутри-нас. Этим смысл ее существования субъективен.

Продуктивная система структурирует Бытие-внутри-нас, проецируемое на объективный материальный окружающий мир, т. е. структурирует тем самым и Бытие-вне-нас.

Продуктивная система может быть структурирующей и деструктурирующей. (Для простоты слова можно сказать – конструктивной и деструктивной.) Главное – в любом случае продуктивная система пере-структурирует Бытие-вне-нас.

Заметим, что ни кон-структурирующая, ни де-структурирующая система в чистом виде не существует. Чтобы структурировать дом, мы деструктурируем дерево – убиваем, рубим, ошкуриваем ствол и т. д. Чтобы деструктурировать дерево – из железной руды и деревянного обломка кон-структурируем топор.

Классифицируется система по преобладанию конструктивного или деструктивного начала.

Если мы рассматриваем Бытие как эволюцию систем от простых к сложным – физических, геологических, биологических, социальных – то как результирующий вектор однозначно прослеживается конструктивная сущность системы. В общем и среднем конструктивное начало преобладает над деструктивным.

Государство есть наиболее сложная, общая система, сегодняшний венец эволюции как системообразования.

С другой стороны, государство входит в общую системы Бытия, как входит в нее вообще все.

Суть и основная бытийная функция государства – дальнейшее и все более сложное структурирование Бытия, точнее – Бытия-вне-нас.

17. Предопределенность

На уровне вообще Бытия появление и наличие государства обусловлено энергоэволюцией Вселенной, разворачивающейся по линии усложнения системообразования и нарастания энергопреобразования. Посредством государства люди совершают все большие действия.

На уровне психологическом, субъективном, индивидуальном уровне монад, появление и наличие государства обусловлено внутренне присущей человеку потребностью переживать больше разнообразных ощущений и совершать больше максимально возможных действий, полнее реализовывать инстинкт жизни.

Экономический, социальный, политический и прочие уровни существования государства обусловлены вышеназванными двумя и проистекают из них. Они не являются базовыми, фундаментными, всеопределяющими, первичными. Они – следствия из первых двух, базовых. Они как бы находятся между ними.

Государство в целом, государство как система, каковой оно и является, может быть понято лишь при учете двух своих базовых уровней. Так шкала линейки имеет левую и правую ограничивающие риски, крайние метки отсчета. Так пластины аккумулятора расположены между крайними, укрепляющими и конечными, обкладками.

18. Происхождение государства и семья

В принципе может быть семья без государства – отшельники-хуторяне с натуральным хозяйством, и государство без семьи – Запорожская Сечь.

Нельзя рисовать восходящую линию социальной эволюции как: семья – род – племя – союз – государство. Временные семьи есть у всех животных, а у многих – постоянные, на всю жизнь. В Спарте роль семьи была сведена к простому упорядоченному деторождению, а государство было сильное и долговечное.

Сказать, что появление семьи предшествует появлению государства – все равно что сказать, что появление человека предшествует появлению государства. Семья – не прообраз и не праоснова государства, семья лишь форма существования индивидуального человека. Человека разумного под другим углом зрения можно назвать «человеком семейным». Неразумного тоже можно.

Были семьи моногамные, полигамные, групповые простые и с разнообразными видами внутренней перекрестности – не суть важно.

И вряд ли правильно объявлять моногамную семью более совершенной, чем прочие. Ислам с его четырехженством достиг немалых вершин цивилизации, а вороны с их моногамией цивилизации так и не создали.

Семья – биологическая система, обусловленная двуполостью вида. В государстве люди друг друга имеют только в переносном смысле.

Семья для государства – все равно что личное хозяйство колхозника для колхоза как системы: хорошо бы эти личные хозяйства отобрать и заставить всех пахать исключительно на колхозном поле. Да не получается. Платон создал дивную модель идеального государства без

семьи, но внедрить не сумел, хотя бегал с этой идеей по всей Греции, пока впечатлившийся Дионисий не законопатил его на рудники.

То есть: не человек через семью приходит к государству – а «человек семейный» приходит к государству. Есть разница.

И семья, и государство – системы. И в той, и в другой человек вступает в ролевые отношения. И в той, и в другой больше пашет, разделяя функции. Только семья попроще, а государство посложнее, и государство состоит из семей. Эта аналогичность многих думателей сбивала с толку, и они выводили сложное из простого.

Чем семья всегда раздражала государство? Тем, что отсасывала часть энергии, которую государство хотело бы употреблять целиком на собственные нужды. Поэтому государство то и дело норовило объявлять государственное выше семейного, т. е. личного. В идеале государство стремилось к казарме. Что никогда толком не получалось, но определенные успехи были.

Почему в результате в мире возобладала моногамная семья? Потому что она самая простая. Меньше невозможно. Отсасывает минимум энергии. Все «конструктивные излишества» ссыпались с нее.

Ставим чистый опыт. Берем одного мужчину и одну женщину и суем их в ландшафт средней суровости и плодородности. И они мгновенно образуют систему. Как биологическую, так и в более широком смысле слова вообще продуктивную. Он убивает мамонта, строит хижину и охраняет семью – она жарит мясо, шьет из шкур одежду и воспитывает детей. Через два поколения семья превращается в род, еще через три – род превращается в племя. Возникает соперничество, споры – все самореализуются и самоутверждаются как могут. Возникает иерархия и ролевое распределение функций. Возникает простейший закон. Появляется вождь, а при нем – советник, он же шаман, он же консильоре, он же премьер-министр. Возникает группа перво-ранговых охотников-воинов. И домочадцы любого мужчины подчиняются уже не только главе семьи, но также – и во всех главных вопросах в первую очередь – закону и вождю. Роль отношений в семье начинает уменьшаться – роль внесемейных, внешних отношений в разросшейся, усложнившейся системе начинает увеличиваться. Когда и на кого охотиться, с кем воевать или от кого убегать решает уже не семья во главе с мужем, а прагосударство – совет мужчин во главе с вождем и в соответствии с законом, обычаем, прецедентами, опытом. Прагосударство снимает с первобытной семьи часть функций. Семья приобретает сугубо частный характер. Для совместных, системных, действий она уже не обязательна. Для обороны перед лицом врагов или охоты на носорога большая семья уже не обязательна, преимуществ не имеет. И возникает принципиальная тенденция к упрощению семьи как системы – тенденция перехода к моногамии. Возобладать эта тенденция может отнюдь не быстро – но она имеется и постепенно проявляется. И проделывает путь наша семья от большого, о трех поколениях, скопища народа до семьи не только моногамной, но и малодетной, но и вовсе бездетной, но и матерей-одиночек, и это в глазах всех становится обычным и нормальным. В системе государства ты обретаешь и секс, и защиту, и благосостояние, и самореализацию. Кому увы, кому ах.

Можно сказать, прибегая к традиционным сравнениям, что семья рождает государство и умирает (в тенденции, в принципе, в результирующем векторе, конечно, а не так уж сразу – брык и коньки отбросила). Правда, когда она умирает – недолго и государству жить остается, но об этом – в другом месте... И волосатый патриарх вздыхает: «Эх, когда-то семья была – так это ж была семья!» – а его наглый малолетний отпрыск, побитый за кражу варенья из буфета, подает жалобу судье, и отцу впиливают два месяца принудработ за нарушение прав ребенка и физические истязания. И патриарх от унижения спивается и вешается, а государство дает его способным детям стипендию и общагу в университете, и на хрен им такой папаша не нужен, их кормит социальный фонд и защищает полиция.

Но, повторяем, выводить происхождение государства из семьи – это то же самое, что выводить происхождение государства из сперматозоида или ДНК. Тогда уж прямо из Большого

Взрыва. Поступенчатое усложнение систем – бесспорно и очевидно. Конкретно нас интересует, как оно образуется из уже готовых людей, каков механизм и смысл этого образования. То есть: после того – не означает вследствие того.

Государство есть следствие семьи лишь на историческо-биологическом уровне: люди размножились. Системообразующие монады в достатке появились.

Чистый опыт, вариант два. Взяли кучу женщин и поселили в том же ландшафте. И дали им банк спермы. Причем такой, чтобы рождались только девочки. И что? И будет государство.

Вариант три: куча мужчин и инкубатор. Результат? Опять же государство, только не женщин, а мужчин.

Принципиальное происхождение государства – не в расширении семьи. А в той программе вступления в социальные отношения, которая, если можно так выразиться, заложена в человеке.

Эта программа проявляется и в создании семьи как социальной именно системы, и в создании государства, – но не одно вследствие другого.

19. Из чего состоит

Упомянем известное для пущей ясности.

Идеальной (идейной) основой государства является право. Обезличенный Закон. Он обязателен для каждого и не зависит ни от кого конкретно. Рыдайте, но следуйте.

Реальной (материальной, бытовой) основой государства как системы являются три структурных механизма: армия, полиция и дворцовый аппарат. Такой тренажер. Они назывались в разные эпохи и в разных местах по-разному, это не важно.

Обеспечивающей функцией является сбор налогов, производимый прямым или косвенным участием этих трех механизмов на основе Закона.

По отношению к государству все населяющие его люди разделяются на два класса: государственные служащие и производящие работники. Здесь возможны разнообразные вариации: временность выборных госдолжностей, владельцы рабов или сдаваемых в аренду предприятий как «косвенные производители», общий совет свободных граждан как высший исполнительный орган государства, сенаторы как одновременно и владельцы производящих продуктов рабов. Т. е. можно выполнять функции представителей двух классов попеременно или даже одновременно. Это деление уже не является столь ясным и традиционным, как предыдущие, и может вызвать возражения. Но если взглянуть «с точки зрения государства» – такое деление понятно и правомерно: те, кто являются частью собственно государственных структур – и те, кто создают материальную основу государства. Они могут совмещаться в одном лице, что реже, и не совмещаться, что чаще. Функционеры собственно системы – и функционеры производства продукта, структурируемого системой. Чем сложнее государство – тем меньше совмещения, тем больше разделения на эти два класса. По отношению к государству – это подчинители и подчиняемые. Стальная арматура, каркас, – и заполняющий объем конструкции бетон, прибегая к сравнению.

20. Начало

Викинги пришли на Русь, обложили данью, недовольных подчиняли, врагов-конкурентов вырубали, закон утвердили – в свою пользу, но чтоб и народишко не мер, кто кормить-то будет. Образовалось Древнерусское государство. Дружина была и армией, и полицией, и дворцовым аппаратом. Заразы. Пришлось пахать и на себя, и на них. Правда, родной бандит – защита от чужого.

Они же, англ и саксы, в то же почти время, ну чуток пораньше, пришли в Англию и стали обкладывать данью встречных и поперечных, рубя с шайки на шайку. Собственных подопечных защищали – с них кормились. В конце концов объединились в семь главных домов. Дома заключили конвенцию о территориальных правах и установили регулирующие законы. Стали выбирать единого короля. Образовалось английское государство.

Латинские бандюки построили себе малину на Палатинском холме над Тибром и стали обирать окрестности. Народ был и отмахивался как мог. А ребятам хотелось баб, и не только в набегах, а каждую ночь. Нагрянули на соседнее племя сабинян и увезли девок. Сабиняне стали собирать большую бригаду и звать соседей – пора укоротить молодцов, такого уже дальше терпеть нельзя. Бандюки прикинули силы, плюнули и законно женились, тем более что девку каждый умыкал себе по вкусу. И предложили соседям мир и сотрудничество вместо резни – а бойцы они были уже известные. Соседи прикинули возможные потери и выгоды, плюнули и признали зятьков. Породнение перешло естественным образом в объединение, и в этой компании слово бандюков весило, конечно, больше. Так образовалось Древнеримское государство.

Ахейцы свалились на доахейцев и вломили им так, что про доахейцев мы вообще мало чего знаем. Подчинили, поработили и стали жить-поживать, в силу воинственного и склочного характера и неумной энергии регулярно воюя друг с другом. Так возникли древнегреческие города-полисы.

Евреи пришли в Палестину, потому что Моисей сказал, что туда их направляет лично Господь, покروшили филистимлян, размножились в благословенном тогда в тех краях климате и еще тысячу лет дрались со всеми, кто с тем или меньшим успехом на этот клочок посягал. Так образовался Древний Израиль.

За пылью многих тысячелетий мы не знаем, как именно образовался Древний Египет, но в его самые древние времена, о которых нам известно хоть что-то, он уже властвовал над кучей соседних племен и народов и имел мощную армию.

Аналогично с царствами Древнего Двуречья: как только они стали делать что-то для нас уже достоверное – так там уже были покоренные народы и вооруженные армии.

Начальная форма государства – рэкет, переходящий в крышевание. Пардон за жаргон... Вот такой вывод следует.

Можно выразиться академичнее. Начальный этап показателен – видно, что с чем соединяется. Шайка – о нет, группа, сравнительно, простая структура! – бойцов-наильников садится на шею – нет: накладывается, соединяется – с мирным в общем населением, с системой продуктивной, структурирующей. Еще иначе:

Система скачкообразно усложняется на порядок путем сложения деструктурирующей и структурирующей систем. В этой новой системе деструктурирующая составляющая доминирует, а структурирующая подчиняется. В результате образуется более мощная, эффективная, более продуктивная структурирующая система. Т. е.: деструктурирующее накладываем на структурирующее и получается еще более структурирующее.

Насильники-нахлебники заставляют кормить себя – и производителям приходится производить и на свои нужды, и на нужды насильников. Упираются больше. Но получают защиту от набегов-вырезаний-поджогов – и, опять же, имеют возможность производить больше. Нет худа без добра и добра без худа. Это ясно.

А еще видно с большой ясностью, что на начальном этапе такого государствообразования государство как система противостоит «народной массе», является по отношению к ней внешней, принудительной, насильственной и даже инородной.

А еще понятно, что государство заботится о «массе» не для блага массы, а для блага собственного: богатства с массы снимать и вообще ее в своих целях использовать. В парадигме (любят сегодня это слово; кто не любит – может сказать «в понятиях и выражениях») исторического материализма допустимо сказать: образовавшееся государство начинает эксплуатиро-

вать свой народ. В российском случае, для примера, славяне – это народ, а варяжские дружины – собственно государство, управляющая и организующая структура.

Мы никогда не узнаем достоверно, действительно ли новгородцы призвали варягов «прийти и володеть», а то «земля обильная, порядка только нет» – или Рюрик из Старой Ладogi сам пожаловал. Если и сам, без призыва – представление позднейшего летописца о необходимости порядка очень характерно.

Государство по сравнению с догосударством – более упорядоченная система. В смысле – более сложно и стройно структурированная, более координированная в действиях, отстоящая дальше от хаоса, тем самым более энергосодержащая и менее, выразимся не совсем корректно, энтропийная. А стремление к энтропии – тенденция любой системы.

Вот она стремится-стремится, пока – хлоп! – кто-нибудь не приходит. С лозунгом «нового порядка». В твердой руке. Перекрестное опыление.

А если все-таки чужие не придут? Тогда придет сосед, или Вован с другой улицы, или тамбовские, или большевики в запломбированном вагоне, или испанец с мушкетом, или англичанин со стеклом.

Ставим чистый опыт: никто не приходит. И черт с ними. Вспомним зеков в камере и крыс в вольере. Найдутся свои. Все равно народишко раньше или позже организуется в государственную систему. Самые энергичные и агрессивные приведут остальных к общему знаменателю. Только тогда будет менее очевидно, что государственная система противостоит народной массе.

Опять же – пиар и имиджмейкерство. Рэкетир прямо говорит: бабки гони – или убью. А когда он выбивается в политики, начинает произносить речи о всеобщем благе, подавать в суд иски о защите своей чести и достоинства и раздавать бесплатный суп, пуская на то малую часть награбленных бабок. И народ растопыривает карманы, рты и завешанные лапшой уши.

А эскимосы, пигмеи, австралийские аборигены – как не дошли до государства? Климат плохой, выживать трудно, не размножишься, взять друг с друга нечего – вписались в окружающую среду равновесно, в гомеостазе. Чуть задень их еле устойчивую системку – начинает разрушаться, людишки вымирают, потенциала нет. В результате оказались в других государствах, вобравших в себя их территории, на положении экспонатов Красной книги. Племен много, кому развиваться, кому сгинуть, тут природа сурова, и естественный отбор не во всех смыслах прекратился.

Мы это все о чем? Качественный переход системы на более высокий уровень совершается скачком. Пришельцы-завоеватели – самая простая и наглядная форма скачка. А если к нам никто не идет – выборный вождь узурпирует слишком большую власть, или король рубит головы баронам, или авторитетный стратег становится тираном и, короче, пахан с блатными и шестерками начинает править мужиками и опущенными.

21. Развитие

Свободы в зоопарке нет, но средняя продолжительность жизни обитателей выше, чем на воле. Кормежка и безопасность гарантированы.

Итак, люди размножаются, а государство усложняется. Это прямая зависимость? Нет, лишь в некоторых пределах. То есть понятно, что государство с миллиардным населением волей-неволей должно быть сложнее, чем со стотысячным. Но тоже не факт. Просто до поры до времени усложнение государства и рост населения происходят более или менее параллельно. Совершенствование и ветвление функций, усложнение иерархии: от князя и дружины – до президента, премьера, министров и замминистров с их аппаратами, генштаба и советов директоров.

Но не забудем Британского Адмиралтейства из «Законов Паркинсона». Система развивается по собственным законам и преследует собственные цели: растет и крепнет.

Интересы человека: жить дольше, безопаснее, благ иметь больше. Интересы государства: быть мощнее, богаче, больше.

На первом этапе эти интересы противоположны: насильники обижают народ.

На втором этапе (утрачено, обвыклись, приспособились) эти интересы совпадают: определенность, защита, растет население и растет производство.

На третьем этапе интересы вновь расходятся – и для многих просто кардинально: начинается экспансия.

22. Экспансия

В последние годы неоднократно цитировалось высказывание академика Сахарова: «Смысл жизни – в экспансии».

Энергия Вселенной заполняет собою одновременно создаваемое и заполняемое расширяющееся пространство.

Звезды излучают свою энергию в окружающее пространство.

Элементарные частицы, атомы, молекулы стремятся связать друг друга во все более сложные системы.

Водоросль стремится заполнить своими размножившимися организмами весь водоем.

Животное стремится заполнить весь ареал.

Государство как система стремится заполнить собою всю окружающую территорию.

Да: это на уровне монад проявляется через психологию человека – стремление к самореализации и самоутверждению. Награбить добра, захватить себе земли (и рабов бы к ней), занять более высокий пост среди себе подобных, совершить подвиги и прославиться, да и вообще неплохо бы кого-нибудь покрепче по башке треснуть. Стимулы материальные, социальные, психологические.

Да: на уровне общеэнергетическом это является выплеском энергии, актом повышенного энергопреобразования: в годы великих войн годовые кольца деревьев (видно на срезах) шире, эти годы часто бывают или необычно морозны, или засушливы, или урожайны, или комета не к добру в небе встает, или просто цикл солнечной активности в пике.

Да: часто находятся поводы или даже внятные причины: они угрожают нашему судоходству или гробят нашу торговлю, не уважают наших богов или надругались над нашими путешественниками.

Да: если враг напал и приходится защищаться, то логично при победах врага стереть и землю его захватить, чтоб на будущее себя обезопасить.

Однако главное – выявить закономерность: государство как система в числе прочих системных свойств имеет тенденцию к экспансии.

На уровне более конкретном это ясно проявляется в «поступенчатой самозащите».

Геродот, историк просвещенный и образованный, отмечал мудрость и незлобивость Кира. И тем не менее именно Кир еще в начале создания Великого Персидского царства, когда послы Спарты угрозой пытались остановить его расширение, отпустил характерную фразу: «Если боги дадут мне дожить, спартамцам будет не до чужих бед – своих хватит». Кир мечтал о мире в великой стране. О процветании и созидании. А для этого было необходимо обезопасить границы от нападений агрессивных соседей. Поскольку ракетных сил стратегического сдерживания тогда не было, приходилось решать вопрос по старинке: мечами. Соседей покорить, замирить, поставить под свою руку и тем самым гарантировать себя от опасности набегов и разорений рубежей. Чем дальше отодвигались рубежи – тем больше оказывалось по соседству потенциально опасных стран. В конце концов Кир решил разобраться со скифами, беспокоя-

щими северные границы империи. Чтоб мирные граждане наслаждались в покое созидательной пахотой. Скифский поход носил превентивный характер. Но политологически малообразованные скифы восприняли его как агрессию и, защищая свою территорию, победоносного дотоле Кира убили, а голову сунули в кожаный мешок с кровью: «Напейся, наконец, досыта, раз хотел».

Латины покорили неслабых и воинственных этрусков и объединили под собой Апеннинский полуостров. Тогда на них свалился отъявленный боец Пирр. Разбили Пирра и вынесли кордоны за Альпы. Заодно прибрали часть Сицилии: «Воевать малой кровью и на чужой территории». Не успели зажить спокойно – пополз на континент Карфаген. Долго воевали с Карфагеном, захватили, стерли, встали до Пиринеев и Атласских гор. Нумидийцы на юге зашевелились, иберы на западе беспокоили, фракийцы на востоке зашалили. Ну, и пришлось захватывать все Средиземноморье от Гибралтара до Кавказа и от Британии до Египта. И со свойственной им четкостью отчеканили в анналах: «Хочешь мира – готовься к войне».

Наполеон, укрепив и возвысив положение Франции, вообще-то хотел мира. И прекрасно понимал, что европейские монархи оставят Францию в покое лишь при одном условии – если сами сидеть будут шатко и угрожаемо, зависеть будут от него и бояться. Потому что, во-первых, по границам лежат спорные от веку территории, а во-вторых, французские законы и порядки угрожают самому их существованию – а ну как все народы захотят себе французских свобод и порядков. На континенте разобрался, а до Англии подлой, этого непотопляемого авианосца, достать не мог. Англия сыпала золото и мутила воду. Подрывала экономику и склоняла к союзу Россию. Склонила. Угроза с востока! Вот и московский поход. В конце концов угрожаемый всей Европой Наполеон так всю Европу задоставал, что она сообща его и укоротила в отчаянных усилиях.

После Первой Мировой войны Антанта на переговорах Германию обманула, обкорнала, унизила и кучу исконных германских земель оттяпала вопреки предварительным обещаниям. И немцы мечтали о справедливости и реванше, и Гитлера поэтому активно поддержали. Если мы почитаем речи Гитлера, то это был борец за мир, каких не много. Он хотел лишь своего, кровного, родного – и стал это получать обратно. Австрия присоединилась с восторгом – это были те же немцы. С захватом Чехословакии забрали назад то, что потеряли раньше, свое, опять же, воссоединили: Судеты, Саксония, там полторы-две тысячи лет жили германцы. Насчет Данцигского коридора, который союзнички передали Польше, предложили провести плебисцит: под кем хотят жить тамошние немцы – под Польшей, или как всегда – в Германии? В плебисците им мировое сообщество отказало. Ну, пришлось брать силой. Тогда Франция с Англией объявили войну. Ах, так? Пришлось вломить Франции и вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Еще бы Англию замирить... не замиряется, тварь заморская. Воткнем-ка ей на Балканах и в Северной Африке, перережем колониальные связи, посадим на голодный паек – авось станет сговорчивей. И тут этот русско-кавказский головорез, дядя Джо, двигает к границам несметную армаду – топор в спину точит, грохнет с размаху – костей не соберешь. Ну, пришлось нападать первыми, чтоб хуже не было.

А ведь в начале всех достославных дел лежала благородная и даже святая как бы идея свободы, независимости, безопасности своего государства в неких «естественных», «исторических» границах на своей исконной, кровной территории. Просто как-то остановиться не получалось...

Самый понятный и простой вид экспансии – «естественное расширение». Народ в государстве размножается и ему потребны для выживания новые территории. И он на них распространяется и осваивает. Древнегреческие колонии.

Можно колонизировать незаселенные территории. Ничьи. Тогда к тебе никаких претензий нет.

Можно колонизировать территории, жидко заселенные «варварами». Тогда к тебе претензий не очень много. Мол, на черта дикарям столько пустующих земель, да пусть себе живут, нас только не трогают – и мы им дышать дадим. И даже приобщим к своим достижениям. Но это – в теории. На практике всегда находятся хваткие ребята, которые оттяпывают у туземцев лучшие земли, а их самих приспособливают к работе на себя. Ничего, мол, пусть трудятся и просвещаются.

А можно распространяться на территории, где расположены государства твоего, казалось бы, не хуже. По крайней мере они уверены, что тебя не хуже. Тогда мы говорим о захватнических войнах.

А можно захватить государство гораздо более цивилизованное, чем твое собственное. Народ поработить, недвижимость присвоить, движимость разграбить. Об этом варианте речь будет ниже.

А можно воодушевиться идеей великого и благого переустройства мира. Тогда получается Александр Македонский, строящий мировую державу – с гражданскими свободами и просвещением, справедливыми законами и некоррупцированным управлением. Короче, принесем на концах македонских мечей счастье человечеству. Или товарищ Сталин с реальными походами и действиями по одариванию всего мира светом социализма. Принесем на пролетарских штыках счастье человечеству.

И везде всегда работал, ясное дело, пропагандистский аппарат: «Наше дело правое, мы победим! Они убийцы, они варвары, они нам угрожают, они ничего не стоят, они сами не понимают своего блага, и вера у них неправильная и поганая». Священники проводят служения, женщины бросают цветы, мужчины расправляют плечи, интенданты воруют деньги. Все при деле.

К чему мы все это гнем? К тому, что солдат, отправляясь в опасный поход, гарантии жизни не получает. Мать его останется безутешной, отец – без подмоги, жена – без мужа, дети – без кормильца. Его бы оставили в покое – он бы, может, и не пошел никуда. Но в военное время за уклонение от службы его просто прикончат. И покроют позором. И выбор у него не велик: на войну – или в бега. А пропаганда надрывается, и толпы вопят с энтузиазмом.

И человек поступает против собственных интересов. И даже против собственного желания. Он бы лучше дома кое-как прожил. А система не дает. У нее свои интересы.

Рисковое это дело – жить в эпоху экспансии.

Но. Но. На уровне системы. Система стремится расшириться. Система стремится стать мощнее. Система стремится совершить самое большое, на что она способна. Кусок побольше – сцапать, проглотить, переварить, включить в себя и стать еще здоровее.

Под каким лозунгом проходит экспансия – значения не имеет. Лозунг мы всегда придумаем. А факт заключается в том, что не было в истории такого государства, которое не прошло бы стадию экспансии. И не было такой экспансии, в процессе которой многие люди против личных интересов не лишались бы добра, здоровья, родных, жизни. Но систему это не трогало. У нее – свои интересы.

23. Деструктивные государства

Дружина во главе с предводителем – это еще не государство, понятно. Вот когда она сядет на оседлое племя и, при разделении функций, образует с ним единую систему – это государство. Общность территории и экономики.

Был ли Великий Монгольский Каганат государством? Скорее да, чем нет. Правитель, нукеры, армия, законы, своего рода налоговая система, когда в распоряжение начальствующей структуры предоставлялись кони, провиант, оружие и сами люди.

Что создал сей каганат? В свой главный и славный период – ничего. Зато разрушил очень много чего. Целые города сметались под метелку. Великое монгольское нашествие – от Китая до Адриатики и Египта.

А что могли монголы, скотоводы-кочевники с их уровнем науки и техники, создать такого эдакого в своей Великой степи? Да в общем ничего. Теоретически: могли перенять технологии у Китая и Хорезма, распахать степь, наладить ремесла, построить города – но это дело долгое. А вот подчинить и ограбить других могли сразу. И тем самым – изменить лицо мира, совершить максимальное действие, предельно переструктурировать окружающее бытие. Предельно самореализоваться и самоутвердиться. Что было вполне в закономерности системы.

Там, где ты ничего не можешь создать, ты должен разрушить.

Разнообразные древние германцы в конце концов снесли Рим – и это самое большое, что они смогли совершить. Созидать они стали гораздо позднее.

И вообще когда варвары грабят и завоевывают цивилизованных соседей – это в истории как нельзя более обычно. Правда, когда грабят нецивилизованных – это тоже обычно. Повторяем, это может быть весьма и во всех смыслах (кроме военного, бойцового) неразвитое государство – но система наличествует.

Александр Македонский, имея в виду всемирное насаждение эллинских свобод и благ, сокрушил кучу восточных деспотий и южных торговых республик, и не только. Насадить он им, кроме болячек, ничего не сумел. Некоторые считают – не успел. Скорее греки перенимали обычаи и культуру завоеванных – по мере краткого или продленного времени. Разрушил он навсегда – а созданными остались, на известное время, разве что библиотека и маяк в Александрии. Но дел он наворотил и в историю въехал на Буцефале. Кумир юных героев двадцати с лишним веков.

Что кормит захватчика? Вооруженная экспансия. И это дело системе нравится. Созидать она станет не сразу и не всегда, а грабить будет, пока есть кого грабить. Добывается оружие, рабы, одежды и украшения, продовольствие и кони. А зачем остальное-то уничтожать? Чтобы не было потенциальных врагов. Профилактика. Чтобы чужая культура не влияла на собственную. Инстинкт самосохранения системы, доказавшей свое преимущество над чужой. Чтоб свои возможности показать – себе, своим, врагам. Самоутверждение и самореализация личности и через то – системы.

Хищник живет плотью поедаемых животных. Оно щиплет травку пятнадцать часов в день и переваривает круглосуточно – а он наедается за четверть часа на трое суток. Это более эффективный способ потребления энергии: быстро, много, уже преобразованной из растений. Вроде «сникерса»: съел – и порядок. Хищник как усовершенствованная биосистема, опосредованно, через «фильтр-обоганитель», работающая на энергии веществ земной коры и на солнечной энергии. Сам он травой питаться не может, сдохнет, а жить надо.

Аналогично государственная система стремится получать энергию самым эффективным из доступных ей способов. Если отобрать у другого быстрее и проще, чем делать самому – отбираем.

И это вовсе не всегда имеет форму грабежа. Идеологически и нравственно это может облекаться в самые разные одежды.

В эпоху крестовых походов христианская цивилизация отнюдь не стояла на более высокой ступени развития, чем исламская. Дамасская сталь была лучшей в мире. За азиатские шелка отваливала баснословные деньги европейская знать. Восточная литература была изощренной и изящной. Врачи, математики, астрономы Востока могли дать много очков вперед европейским. Что же сделали гордые рыцари? Двинулись на Иерусалим под лозунгом освобождения гроба Господня и разнесли все восточное, что смогли. Откуда у них брались деньги на кампанию? С крестьян драли, у купцов занимали, короли свою казну задействовали; церковь обосновательную базу подбивала. Государственная система в действии. И государства, «сози-

дательный момент» в которых «застоялся», на время стали деструктивными: захватывали «без толку», убивали-грабили, уровень цивилизации захваченных территорий не повышали, но старались понизить до своего.

Заметьте: кончились, и весьма бесславно, крестовые походы – и начался Ренессанс: энергия системы направилась в другое русло.

Не созидание как таковое – цель государства. Цель его как системы – производить максимальные действия, переструктурировать бытие насколько возможно.

Чем превыше всего бредили мальчики тысячелетий? Подвигами. Какими? Наотбивать в шахте больше всех угля? Хренушки, пусть рабы уголек колют. Военными подвигами. На своей территории? Нет, это бедствия, от них боги нас избавь. Малой кровью! на чужой территории! Карфаген? – разрушить! Персов? – сжечь! Иерусалим? – захватить! Царьград? – щит на ворота прибить, чтоб знали! И дойти до последнего моря, и спеть там песню о золотом Керулене и голубом Ононе.

Влияние идеологии отбрасывать не надо, но в основе лежит естественная тяга к максимальным ощущениям и максимальным действиям.

Государственная система использует это в своих интересах. Только система дает возможность сообщать эти действия совершать. А если ты не очень хочешь подвигов? Не умеешь – научим, не хочешь – заставим! – рявкает сержант.

24. Молодость

На этом этапе все прекрасно. Отбиваем врагов, осваиваем территорию, строим не по дням, а по часам, занимаем должности по способностям, не прокисая на ступенях иерархической лестницы, которая только формируется. Будь кем хочешь и кем можешь. Традиции складываются на глазах, будущие канонизированные патриархи – свои ребята, вчера вместе пили. Все просто и все по уму, а спор решим своим кулаком, или за столом, или под винчестером шерифа. Ложишься помирать: вокруг толпа внуков бежит, за одним окном сад, за другим поле. Вообще-то жизнь была трудная и грубая, но прошла с толком. Это, конечно, метафора, жизнь в любые эпохи то и дело дерьмовата, но вот в государственном масштабе – примерно все вот так.

25. Укрепление

И вот тут начинается какая-то лажа. Приходит к тебе один чиновник, приходит другой, и все чего-то предписывают. Или новые налоги, или производи не меньше, чем столько-то, или наоборот – не больше, чем столько-то, или не смей переселяться, или наоборот – выселяйся к черту, владелец земли весь край продал, или собирайся в солдаты, или сдай в солдаты сына, или наоборот – сдай оружие и не смей иметь, или строй дом не больше ста квадратных метров, или не шире двух окон по фасаду, или не смей курить на улицах, или брей бороду, или наоборот – бороду отпусти, а побрей голову, или не смей обнажать бюст, или не пей пиво в общественных местах, или тебя посадят на кол за гомосексуализм, или наоборот – посадят в тюрьму за неприязнь к гомосексуалисту, или не моги пойти на работу без диплома университета, или копи сто лет деньги на обучение в университете, или не смей участвовать в дуэли, или наоборот – выходи на поединок под угрозой казни.

Система стремится работать эффективнее. Четче функционировать. Изыскивает внутренние резервы. Придывает к монаде все больше ниточек и рычагов. Дерг сверху – и дело пошло указанным образом. Система старается повысить кпд монады как части себя, системы. В своих нуждах и интересах.

Происходит усложнение структуры. Можно сказать иначе: повышается степень структурированности. А чем выше структура – тем больше в ней энергосодержания, как бы законсервированной энергии, тем дальше она от энтропии – ну, тем ниже уровень энтропии.

Естественным образом система продолжает структурироваться, тем самым повышая свой энергетический уровень. Все по закону.

И сначала все идет отлично. Дело отлаживается в сторону часового механизма. И вот этот механизм давит людей. А что делать.

На ранних стадиях государства люди растут вместе со страной и воедино со страной. Благодаря выдающимся личным качествам – добиваются постов, которые сами же создают. Набивая казну – прежде набивают собственные сундуки. И каждый – от владеющего парой рабов гражданина или распоряжающегося парой подмастерий ремесленника – и до поставленного наверху короля – стремятся организовать дело так, чтоб «институт» каждого работал под ним четче. В идеале: я сплю, а дело делается. Совершенствование отношений и связей.

Красс, Фуке и Потемкин не просто воруют, но одновременно поднимают и крепят державу. И, наводя порядок «под собой», тем самым роют могилу себе и своим потомкам.

Уже не человек красит место, а место начинает красить человека. Ничтожный чиновник казнит героя-конкистадора: системе не нужны больше сильно здоровые, ей нужно единообразие, управляемость, сложение сил.

Незаурядности нужны, пока идет переделка, организация, наращивание, устаканивание. А когда все организовано – система отвергает незаурядностей, они дестабилизируют. Нужны заурядности.

(Дело здесь не в «снижении пассионарности» – как строил линейно детерминированную механистическую модель Лев Гумилев, объясняя все самым простым способом: вот, сначала происходит толчок космической энергии, запускающий социоэтнический процесс, а потом эта энергия постепенно растрачивается, снижается. Это чересчур упрощенная трактовка, не учитывающая механизмов преобразований. Внутрисистемные отношения меняются в зависимости от того, как меняется со временем продолжающая жить и развиваться система, закономерным образом стремящаяся к своему максимуму.)

Достигшая определенной сложности и мощности система для своего дальнейшего развития и усиления стремится избавиться от самых активных подсистем, влияние которых становится дестабилизирующим.

Ну – бандит-хулиган-здоровый набьет морду любому, а десяток таких терроризирует всю округу. Но если набрать их тысячу для войны – они будут грызть друг друга, норовить поступать своевольно, не подчиняться приказам, которые им не нравятся. И самые буйные казнятся, несмотря на свои высшие бойцовые качества – чтоб усилить общее бойцовое качество войска. И прежде всего войсковое руководство заботится о дисциплине, абсолютной управляемости, безоговорочном выполнении приказов – пусть будут бойцы хуже, зато войско лучше. Принцип командной игры, а не звездной.

И вот крепкая система сажает на все узлы людей, которые будут лучше исполнять то, что им задано. Плевать, что дурак, лишь бы шел в ногу. Исполнительность предпочитается таланту.

И тогда адмирала Нельсона увольняют с флота, потому что он мешает воровать губернатору – но тот ворует «по чину» и вписывается в отношения системы «Империи», а Нельсон дестабилизирует обстановку. Война? – призовут, убьют, прославят: но в мирное время он лишний.

26. На пике

На пике мощи государственная система совершает свои максимальные действия. Строит пирамиды и Акрополь, подгребают полмира как Римская или Британская империя.

Что тут происходит на системном уровне?

Во-первых, структура предельно усложнилась. Масса разных институтов, обеспечивающих делание всего, что только можно придумать.

Во-вторых, это усложнение происходило не только на уровне материальном, но и на уровне «чисто энергетическом» – т. е. не только объектном, но и функциональном. Возникает масса условностей, ритуалов, предписаний, запретов – на все случаи жизни: как себя вести.

Вот все это вместе не только количественно, но и качественно повышает энергетику системы. Структурирование усложнено. Боец-барон жрал мясо руками – его потомок овладевает бесполезным искусством владения десятью вилочками. Бесполезное-то оно бесполезное, но:

На пике могущества системы энергопреобразовательная деятельность монады (в среднем) также достигает максимума. Оно понятно: система действует людскими руками и головами. Но:

Человек делает не то, что необходимо системе, а что ни попадя. Все делает. Из собственных интересов и соображений. Они могут совпадать с интересами системы, а могут и не совпадать.

А огромная ветвистая структура системы достигла максимума. **Устоялась. Система в фазе максимальной устойчивости.** И сейчас практически никакие дерганья ее монад ей не опасны. Тише комариных укусов.

Так. А преобразовательная деятельность окончилась: устаканилась система.

Вот на этом этапе пускаются в рост науки, искусства, моды и всевозможные приамбасы. Системе ничто не грозит, все силы монаде напрягать не надо, и теперь ее действия в большей степени, чем раньше, направляются на собственные интересы.

Противоречие между интересами системы и монады начинает стремительно расти.

27. Цветение и гниение

«Наконец-то гуманизм! Пора подумать и о человеке!» – говорят гуманисты. – «Мы хотим и имеем право больше и лучше пить, кушать, одеваться и вообще наслаждаться физически и духовно».

Радости монад нет предела. Они начинают делать друг другу массаж и кормить друг друга гамбургерами.

Но искусство и культура как-то быстро упираются в потолок. Так было в Египте, Вавилонии, Греции и Риме... и у нас сейчас.

Но. Индивидуально-энергетический уровень монады постоянен, задан Космосом через биологию. А общий, системный уровень ее энергии стал огромен. А – делать чего? Усилия направлять куда?

И выдвигается лозунг типа: «Сильные регионы – сильный центр!» «Цель всего – благо человека!».

Наверх выплывает либеральная идеология: «Права человека выше прав системы». (Это то же самое, что сказать: «Права головы выше прав человека в целом».)

И набирают ход следующие процессы:

Первый. Система стремится превратиться в цветущий сад и оркестром, автокормушкой и автопоилкой, и всем монадам от этого хорошо, и они говорят: давай еще, давай дальше.

Второй. А все узлы-институты-подсистемы государства, которые сами себе тоже системы, продолжают развиваться по собственным законам, продолжая преследовать собственные цели. Уже не хватает комнат, хрустят перекрытия, барахлят перегруженные линии связи. В государстве начинается внутрисистемная дегенерация.

(Внимание. Никакая система не может упрощаться эволюционным путем. Она может только усложняться. А потом рушиться и скачком переструктурироваться.)

Третий. Тебе надо строить эту гигантскую пирамиду? Нет? Мне тоже. Тебе нужен этот супернебоскреб? Нет? Мне тоже. На фига эти труды и расходы, лучше заработаем свои бабки и пустим их на пиво и девочек. *Система теряет способность к максимальным действиям – монадам они не нужны, а мощная структура системы уже дегенерирует.*

Четвертый процесс. Дегенерация структуры отношений внутри системы. Снимаются табу. Больше свобод – это вроде хорошо. Но меньше запретов – это означает: нарастание энтропии, снижение энергетики. Ближе к хаосу. Сдерживаемая и регулируемая запретами энергия больше не направляется «в мирное русло» – а идет во всевозможное битие баклуш и рассеивается через сексуальные излишества, наркоманию, субкультурные хэппенинги и т. п.

28. Конец

Система начинает болеть склерозом, артритом, ревматизмом, атрофией мышц и старческим слабоумием. Уж здесь просто сил нет удержаться от аналогий с организмом.

Вариантов концовки существует два.

Первый. Тоталитарная система надорвалась. Стопоров внутри себя она не знала, и в фазе экспансии развила слишком большие усилия, превышающие возможности структуры. Так рухнула империя Македонского, Наполеона, Гитлера, СССР, Чингиз-хана, Тимура. Откусили больше, чем могли переварить. Развили такое действие, что «отдача от выстрела» развалила скелет стрелявшего. Совершаемые действия, выделявшаяся вовне энергия системы не компенсировалась ее внутренними возможностями. Столько хапнули, что *центробежные силы огромной массы превысили центростремительные силы собравшей ее системы.*

Второй вариант. Бюрократизация – ничего нельзя сделать быстро и эффективно, кучи согласований и противоречий, институты и инструкции диалектически переходят в противоположную сущность – паразитическую, мешающую, деструктивную. Разветвленный Закон вяжет по рукам и ногам. Жернова этого монстра норовят растереть монаду-человека, проводят либерализацию, она должна облегчить отношения монады с системой, упростить их в сторону здравого смысла, духа Закона, противоречащего его букве. Но в результате либерализации управляемость системы снижается, КПД падает еще ниже, уже никто не хочет «ходить строем». Снимаются запреты внутри системы, отношения упрощаются, энергетика системы падает вследствие упрощения структурных связей. И вот тогда – вот тогда!!! —

Снижается иммунитет системы к любым внешним воздействиям, резко падает ее способность противостоять любым внешним воздействиям.

Система уходит от устойчивого состояния ко все более неустойчивому. И вот уже любая флуктуация, которая раньше и замечена не была бы, может менять ход ее дальнейшей эволюции.

И вот уже мужик Распутин влияет на судьбы России. Да при Екатерине ему бы рвали ноздри и слали в соляные копи, где и сгинул, всех и делов. И вот уже террористы захватывают лайнер и пытаются влиять на государство, чтоб освободило их товарищей. Да полста лет назад их «товарищи» были бы пристрелены сразу, и никто не знал бы никаких проблем. И вот уже нелегальные иммигранты, совершившие преступление самим фактом незаконного пребывания в стране, и живущие милостыней и преступлением, выходят на демонстрации в защиту своих «прав». Еще недавно их высылка либо помещение на каторгу следовали бы автоматически, и не было проблем.

Но – система все более теряет способность к каким-либо системным действиям. Иногда это называют «недостатком политической воли». Есть солдаты и оружие, чтобы с корнем

выжечь терроризм во всем мире – но вся система отношений и миропониманий не позволяет это сделать. А это есть **системная слабость**.

Понятно ли?

Вот есть люди. Живут на полянке. Жрут консервы. Оружие в шалаше. Людей, консервов, оружия – много. И есть пяток ухарей. Которые каждый день берут одного и режут. Кто сильнее? Пятеро сильнее. Чем? Умением добиться результата, навязать свою волю, потому что они организованы для своего дела. И вот является зверь-сержант, бьет едоков ногами, заставляет разобрать оружие и, не страшась того, что несколько из них могут быть убиты, пятерку ухарей поймать и расстрелять без всяких разговоров. Кто теперь сильнее? Люди.

Гибель системы выражается в том, что она не может распорядиться своим добром для своего укрепления и уничтожения своих врагов. От тысячи танков нет толку, если не работает связь, нет разумного приказа и пьян командир – рота диверсантов ночью вырежет личный состав корпуса. Потом товарищ Сталин будет сильно недоумевать, почему немцы слабее, а нас бьют.

И вот система в результате накапливает кучи добра, свидетельств мощи и просвещения. А переделывать мир дальше уже не может – не придумать, чего там еще, все возможное пока сделано. И в своих системных, надчеловеческих, объективных усилиях все же переделывать дальше – ее подсистемы, узлы, институты, разрослись сверх меры, и уже связи между ними нарушены, и целям своим изначальным они при всем желании отвечать не могут. Супербронтозавр. А люди-монады начинают тащить все каждый в свою сторону.

Не в том дело, что люди теряют мужество, добродетель и ясность взгляда. А потому они это теряют, что состоят уже в гибельных, упаднических отношениях. Система отношений, а она постоянно меняется, как меняется в развитии все, исчерпала свои возможности – и, миновав пик, пошла вниз.

29. Заключение

1. Государство есть система, не адекватная простой сумме составляющих ее людей, но обладающая новыми качествами как новая и более сложная структура.

2. Сущность государства как системы – в том, что ее энергетический уровень выше простой суммы энергетических уровней составляющих ее людей.

3. Государство есть следующая и более высокая структурная ступень энергоэволюции Космоса, чем человек.

4. Самообразование государства определяется единым для Космоса синергетическим процессом – из простых и низкоэнергетичных систем самообразуются более сложные и высокоэнергетичные системы.

5. Субъективная причина образования государства – имманентное стремление человека к положению, в котором он может испытывать максимальные ощущения и совершать максимальные действия. Государство повышает эти его возможности.

6. Объективная причина образования государства – эволюционная склонность биомассы к образованию систем с более высоким энергетическим уровнем.

7. Основная цель государства – совершение максимальных действий.

8. Сопутствующая, обеспечивающая функция государства – создание человеческому сообществу условий для совершения максимальных действий.

9. Государство зарождается, развивается и гибнет в соответствии с закономерностями саморазвивающихся систем.

10. Неучитывание системных факторов и антропоцентрический подход не могут дать понимания эволюции и сущности государства.

Иллюзия экономической доминанты

Сегодня бытует мнение, что экономика все решает и все определяет. Сегодняшний политик, менеджер, бизнесмен – стихийный марксист или как минимум «смитовец». Под мощью государства подразумевается экономическая мощь – то есть выход валового продукта и соответствующий ему финансовый ресурс. Богатое государство – развитое, мощное, цивилизованное, передовое, хорошее. Бедное – наоборот.

Под целью государства понимается создание и преумножение богатства – и максимально высокое обеспечение своих граждан всевозможными благами. Под целью человека – жить богато самому и давать жить богато другим. А всевозможные свободы личности и обеспечения ее прав – также определяются уровнем богатства государства.

Самое богатое сегодня государство – США: оно же, естественно, и самое мощное. И все должны стремиться жить так же хорошо. А самое бедное – допустим, какое-нибудь Буркина-Фасо – оно самое слабое, плохое, ничего не может, просит милостыню у больших белых дядей.

Поскольку еды, одежды, самолетов, домов и прочего добра США имеют достаточно и больше не надо – основной вес экономики переносится с создания товаров на создание услуг. Три четверти американской экономики работает на услуги, и большинство трудящихся занято в этой сфере: химчистят друг другу штаны, заправляют автомобили, возят пиццу и промакивают друг другу носы. И это расценивается как показатель высокоразвитой, очень здоровой и правильной экономики.

Но мы никуда не денемся от законного вопроса: почему всегда в истории высокоцивилизованные государства с развитой экономикой, богатые и культурные, благополучно погибали под натиском варваров – бедных, экономически неразвитых и некультурных? Персы уступали в цивилизованности и богатстве египтянам, македоняне – грекам, германцы – римлянам, турки – византийцам, монголы – китайцам, русским и вообще всем, кого покорили и смели. Сегодня, когда XXI век начался с того, что террористы из «третьего мира» ввергли в шок взрывом небоскребов богатейшую страну мира, – эта проблема из чисто теоретической превратилась во вполне и животрепещущую практическую.

Ответы всегда давались при видимом разнообразии одни и те же. 1. Народы богатых стран развратились, расслабились, утратили бойцовские качества. 2. Забыли Бога за распутством и корыстолюбием, вот он и покарал. 3. Богатые и мощные впали в экономический кризис, похужали экономически, вот и кончились. 4. Старые народы сходили со сцены под натиском молодых, чья история была еще впереди. 5. А также растеряли свой начальный заряд пассионарности – что иными словами то же ослабление от старости нации. 6. А также бывает наоборот, и это экономически объясняется с чудной ясностью – испанцы, скажем, покорили инков и прочих, потому что были более передовой и мощной экономической формацией. Но мы говорим сейчас не о колониальных захватах мощными слабыми, а как раз об экономически бессмысленном разрушении отсталыми передовыми, развитыми. Рим покоряет варваров – понятно. А варвары сносят Рим – не вовсе понятно.

Но одно уже следует констатировать: мощная экономика и высокий уровень цивилизации отнюдь не гарантируют в конечном итоге от гибели под бедными варварами.

Какова конечная, итоговая, объективная цель существования государства, этой системной целостности людей, и какова итоговая цель человека? Одна и та же: максимальное переделывание окружающей среды, совершение максимальных действий, максимальное потребление и выделение – преобразование – энергии достигаемого Бытия. И этой задаче цивилизованное, экономически мощное государство отвечает куда полнее, чем слабое и малоразвитое.

Но. Но. Человек, эта подсистема государства, самоуправляется на уровне чувств. Субъективно его жизнь – это сумма максимальных ощущений, а действует он уже опосредованно, через чувства и посредством разума в действия. Он ведь не «выполняет долг перед природой», а руководствуется своими чувствами прежде всего, своими интересами на психологическом уровне.

Что же имеет человек в государстве по сравнению с сугубо «единоличным» житьем? Он имеет больше ощущений – и положительных, и отрицательных. Сыт, здоров, в тепле – и все равно не может расслабиться, переживает из-за массы условных вещей, пашет как карла, лезет наверх, пашет за излишние модные тряпки и т. д. Ночами не спит, научные теории создает. В солдатах мучится, на войне гибнет, зато победе своей футбольной команды радуется, как щенок конфете.

Государство (и вообще общество) дает человеку не просто максимальные ощущения в количестве большем, чем «условно-одинокому хуторянину» – оно дает ему *надличностные ценности*. То, ради чего он, сытый-здоровый, все равно может надрываться в максимальных усилиях и даже жертвовать ради них жизнью. Не только когда враг напал на твой очаг и все равно от смертельной схватки никуда не денешься – но смерть в первых кругосветных экспедициях и «необязательных» колониальных войнах, на костре за веру, от перенапряжения в творчестве и спорте, из чести и из верности сюзеру и т. д. Рискует жизнью ради богатства (излишнего) и карьеры (условной) – лишь бы выложиться за предел всех возможностей и подняться на ступеньку в иерархии. Ну, а тем временем государство богатеет и крепчает, все больше дел воротит в результате его стремления к максимальным ощущениям и через них – к максимальным действиям.

Максимальные ощущения и максимальные действия соответствуют друг другу. В государстве. Но только до поры до времени.

И вот – все, в общем, сделано. Создано. Эффективная из актуально возможных структура управления. Мощная экономика. Груды добра. Чудеса техники (свои для эпохи). Благополучие, благосостояние, права и свободы в актуально возможных пределах. Устаканилось все. Более или менее стабильный мир и благосостояние на актуально высоком уровне.

Одновременно государство бюрократизируется. Одновременно появляются официальные нахлебники, дармоеды. Одновременно права личности блюдятся законом. Одновременно множатся инструкции и предписания, часто бессмысленные и противоречащие друг другу. По мере развития любая система входит в стадию дегенерации, и государство не составляет исключения.

И вдруг оказывается, что в этом государстве исчезают надличностные ценности. Если жизнь личности, ее права и свободы (это для нашей цивилизации) превыше всего – то чего ради идти на костер? Чего ради изнемогать в работе за кусок хлеба, если и бездельником с голоду не подохнешь? Чего ради рисковать жизнью в экспедиции за сокровищами, если лучше стать биржевым брокером?

Идеалы снижаются. Культ героя-воителя исчезает. Место великих владык занимает временная шелупонь. Почитаются набитый карман, способ набивания не имеет значения. Личная доблесть заменяется законопослушанием.

По достижении государством определенной высокой стадии общественного благополучия – оно начинает уже в меньшей степени удовлетворять потребности человека в максимальных ощущениях, как положительных, так и отрицательных. И в этом – его ослабление. Ослабление основной системообразующей функции. Ибо люди самоорганизуются в государство не для того, чтобы производить больше – а, на базовом уровне, уровне ощущений личности – для того, чтобы получать больше упомянутых ощущений: и через то и тем самым полнее реализовать свои возможности (возможности своей личности как психической совокупности).

Государство-то еще продолжает пахать во всю силу. Производить горы добра и бедени. Количественно все в порядке, энергопреобразуем среду. Но качественный, принципиальный характер производства меняется. Поясняю. Вот пришел пионер-первопроходец с фургоном. Истребил индейцев и бизонов. Распахал землю, поставил дом, нарожал семью. Образовалось то, чего раньше не было – а из Англии он свои кости унес, там стало им меньше. А вот его правнук. Пашет на тракторе, вносит удобрения, пшеницы собирает с прадедовского участка в семь раз больше, положим. Производство выросло. Но принципиальных действий больше не произведено, качественно мир больше не изменяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.